

eISSN 2311-2468
Том 7, № 8. 2019
Vol. 7, no. 8. 2019

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ВЛАСОВА Е. А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ: FICTION И NON-FICTION

В ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ФИЛИАЛ»

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ двух произведений русского писателя С. Довлатова: эссе «Литература продолжается» (1982 г.) и повести «Филиал» (1988 г.). Делается вывод об автобиографической природе данной повести С. Довлатова, реализованной посредством автоинтертекста в виде цитат и реплик, ранее использованных им в эссе.

Ключевые слова: интертекст, fiction, non-fiction, Довлатов, Филиал.

VLASOVA E. A.

TRANSFORMATION OF MEANINGS: FICTION AND NON-FICTION

IN THE NOVEL "THE OUTPOST" BY S. DOVLATOV

Abstract. The article presents a comparative analysis of two works by the Russian writer S. Dovlatov: the essay "Literature Goes On" (1982) and the novel "The Outpost" (1988). A conclusion is made about autobiographical nature of the novel due to the author's intertext verbalized by means of citations and utterances first used in the essay.

Keywords: intertext, fiction, non-fiction, Dovlatov, The Outpost.

Внимание ученых часто обращается к исследованию особенностей публицистического документального жанра в условиях популярности литературы non-fiction. Об особом интересе литературоведов к бытованию non-fiction свидетельствует, например, монография Е. Г. Местергази «Литература non-fiction» [4]. В этой связи особенно актуальны оказываются исследования, направленные на изучение документальных черт у прозаических произведений, например, на материале произведений С. Довлатова [5]. Параллельно с анализом документального автобиографического характера прозы Довлатова в последнее время появляется все больше работ, направленных на анализ интертекстуальности на материале творческого наследия писателя [1]. Особое значение при анализе документального характера прозы Довлатова имеют причины, побуждающие автора прибегать к автоцитации при создании прозаического художественного произведения.

В повести «Филиал (Записки ведущего)», написанной в 1988 году в США и впервые опубликованной в петербургском (ленинградском тогда) журнале «Звезда», Сергей Довлатов, очевидно, использует материал публицистического эссе «Литература продолжается» [3].

В основе сюжета повести лежат реальные события, а именно – международная конференция «Литература в эмиграции. Третья волна» (1981 г., май), заметки о которой были подготовлены С. Довлатовым для «Нового американца» и опубликованы в «Синтаксисе» под названием «Литература продолжается»¹. Т.е. события реальной конференции получили отражение в двух жанровых литературных формах – эссе (1982 год) и художественной повести (1988 год).

Связь между двумя текстами – эссе «Литература продолжается» и повестью «Филиал» поддерживается на уровне системы персонажей. В этой связи возникает вопрос: почему один и тот же персонаж обретает совершенно иные коннотации?

Можно предположить, что нейтрально выдержанный текст 1982 года, публицистический, информативный, «объективированный», гарантировал некоторую «защищенность» Довлатову-художнику от упреков со стороны коллег-литераторов (фактология выдержана в эссе, в повести – домысел и вымысел)². Однако, на самом деле задача художника Довлатова, вероятно, состояла в другом. Возможное сопоставление весьма близких по материалу произведений (одно с доминирующими плюсами, другое с явными минусами) позволяло в совокупности создать (сформировать) действительно объективную картину, демонстрирующую диалектичность (двойственность) характера каждого героя (человека). (Авто)интертекст становился для Довлатова условием писательской достоверности и художнической честности, подлинной объективности, когда посредством *различных* повествовательных дискурсов приоткрывалась сложность и неоднозначность противоречивой человеческой природы³.

В повести происходит фактическое слияние двух самостоятельных главок эссе – «Дезертир Лимонов» и «Старик Коржавин нас заметил», Лимонов и Коржавин оказываются в непосредственной близости, почти в «дуэльной ситуации».

Эпизод с Лимоновым подвергается в повести «Филиал» кардинальной переработке, точнее нарратором использована (воспроизведена) совершенно иная ситуация. Если в эссе Довлатов делает акцент на высказывании Лимонова о том, что он «не хочет быть русским писателем» [2, с. 276] и «многоголосо» обсуждает реакцию участников симпозиума на это «дезертирское» заявление, то в повести в центре оказываются «филиппики» Коржавина –

¹ Впервые опубл.: Синтаксис. Париж, 1982. № 10.

² Хотя, как уже отмечалось, один только «Компромисс» свидетельствует, что у Довлатова это далеко не так.

³ Заметим, что в одном из эссе «на литературные темы» Довлатов характеризует Синявского таким образом: «Андрей Синявский <...> человек сложный, замкнутый и остроумный» [2, с. 318]. Как видно из эпитетов, использованных автором, однозначности в характере Синявского для Довлатова действительно нет.

«проклятия» Ковригиным Лимонова в продолжение отведенного ему регламента, а затем продолжение браниещена семь минут, щедро предоставленных ему самим Лимоновым.

Итак, «лимоновские» эпизоды в эссе и в повести совершенно разные (прежде всего они утрачивают самостоятельность), и акцентированные в них моменты тоже различны, однако обращает на себя внимание то, что и там, и там Лимонов у Довлатова предстает неизменно «талантливым человеком» [2, с. 278], на счет которого рассказчик не иронизирует (вероятно, последнее и позволяет сохранить подлинную фамилию героя повести Лимонов, хотя фамилии других повестийных персонажей изменены).

Таким образом, интертекстуальные связки между довлатовскими эссе и повестью (и между современным текстом и классикой) вновь нацелены на создание правдивого образа, но в данном случае генерируют его по совершенно иной повествовательной (и аксиологической) схеме – образ Лимонова сохраняет в себе константные черты «бескрылого», «хамского», но талантливого «материалиста», каким он и видится Далматову-Довлатову. Столкновение Коржавина – Лимонова (Ковригина – Лимонова) разрешается в пользу последнего, как и в тургеневской паре героев «старший Кирсанов – Базаров». Неслучайна реплика рассказчика «Филиала» по окончании заседания: «Можно было отправиться и в ресторан с тем же Лимоновым...» [2, с. 233]. Неслучайна и цель поездки на симпозиум героя эссе – «Посмотреть на живого Лимонова» [2, с. 274]. Авторитетность личности и героя Лимонова остаются для Довлатова (Далматова) константно неизменными.

Название повести «Филиал» обретает сущностное наполнение не сразу, только по истечении ряда событийных обстоятельств становится ясно, что заглавие мотивируют отношения концептов «родина» и «эмиграция», Россия и США, метрополия и филиал («филиал будущей России», «наша миссия», «историческая роль» [2, с. 267]). Для героя-рассказчика нахождение вне пределов большой родины воспринимается малым филиалом, который, однако, живет по тем же законам и традициям, руководствуется теми же привычками и принципами, что и в пределах оставленного отечества.

Завершая эссе о международной конференции «Литература в эмиграции. Третья волна», Довлатов подводит итог и говорит о том, что «должна быть в литературе кошмарная, невероятная, фантазмагорическая путаница» [2, с.285], «священный беспорядок» [2, с. 284]. Сопоставление текстовых пространств эссе «Литература продолжается» и повести «Филиал» словно бы подтверждает эту мысль Довлатова. Несовпадение характеристик, «неуточненность» фактов, разница в составе участников симпозиума и проч. – так же, как и во многих других произведениях Довлатова, которые содержат в себе противоречивые сведения об одних и тех же событиях и лицах – становится знаком многоликости человеческой природы, неоднозначности человеческого характера, противоречивости

поведения персонажа (личности) в различных обстоятельствах, подтверждением максимы, сформулированной Довлатовым еще в «Зоне: «Человек <...> – tabula rasa».

При сопоставлении текстов эссе «Литература продолжается» и повести «Филиал» кажется очевидным, что публицистический дискурс эссе должен быть вытесненным образной символикой художественного текста повести: размышления эссеиста о норме и абсурде современной жизни у корреспондента-наблюдателя должны наполниться образной символикой универсального плана. Отчасти именно так и происходит, но, как известно по «Компромиссу», газетные репортажи Далматова далеко не всегда фактологичны и объективны, домысел и вымысел становятся основой творческой стратегии в том числе и публициста.

В повести градус художественного вымысла повышается, домысел констатирует уже первый повестийный эпизод, когда герой «Филиала» оказывается в Лос-Анжелесе. Если в эссе рассказчик сообщает (вероятно) достоверный факт о том, что из аэропорта до гостиницы он доехал на такси вместе с Виктором Перельманом, то в повести появляется «вымышленный» эпизод – когда водителем такси героя Далматова оказывается бывший заключенный из Устьвымлага, т.е. места службы Алиханова, героя «Зоны». Одна повесть Довлатова увязывается с другой, поддерживая мысль «записок надзирателя» о схожести жизни по обе стороны запретки и о ее абсурдизме и хаосе.

Автоинтертекст в повести Довлатова привлекается и через транспозицию одних и тех же цитат и реплик персонажей, ранее использованных прозаиком в эссе, но позднее оказавшихся в тексте художественной повести.

Своеобразие использования автоинтертекста в повести «Филиал» определяется во многом тем, что Довлатов размышляет о роли «русского литератора» [2, с. 225], фактически о традиционной проблеме русской классической литературы «писатель и творчество», «предназначение поэта и поэзии».

Как и в эссе «Литература продолжается», так и в повести «Филиал», главное, что все герои, участники симпозиума «Новая Россия» сходятся во мнении, что есть русская литература, которая продолжается, в том числе и в пределах американского «филиала». Интертекст повести (точнее – автоинтертекст) позволяет С. Довлатову шире и многообразнее представить эту проблему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доброзракова Г. А. Сергей Довлатов: диалог с классиками и современниками: монография. – Самара: ИУНЛ ПГУТИ, 2011. – 172 с.

2. Довлатов С. Д. Филиал (Записки ведущего) // Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука, 1999. – Т. 4. – С. 200–287.
3. Довлатов С. Д. Литература продолжается // Синтаксис. – 1982. – № 10. – С. 132–146.
4. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн / non-fiction: экспериментальная энциклопедия: русская версия. – М.: Совпадение, 2007. – 325 с.
5. Поливанов А. С. «Псевдодокументализм» в русской неподцензурной прозе 1970–1980-х годов: Вен. В. Ерофеев, С. Д. Довлатов, Э. В. Лимонов: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 202 с.

ВОРОНОВА Н. А., ГОРБУНОВА Л. Г.

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В РУССКИХ НАРОДНЫХ И АВТОРСКИХ СКАЗКАХ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семантических функций фразеологических единиц (разновидностей логоэпистем) в пространстве русских сказок – народных и авторских – с учетом их участия в формировании речевого жанра. Предпринята попытка осмысления фразеологизмов с позиций когнитивно-прагматического подхода. Это помогает лучше понять сущность фразеологических единиц в единстве их лингвистического, когнитивного и прагматического аспектов.

Ключевые слова: фразеологизм, логоэпистема, семантическая функция, русская народная сказка, авторская сказка, речевой жанр, коммуникативная цель.

VORONOVA N. A. GORBUNOVA L. G.

**SEMANTIC FUNCTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS
IN RUSSIAN FOLK AND LITERARY TALES**

Abstract. The article deals with the semantic functions of phraseological units in Russian folk and literary tales, considering their role in the formation of the speech genre. An attempt is made to study phraseological units from the standpoint of cognitive-pragmatic approach. This helps to better understand the essence of phraseological units as a unity of their linguistic, cognitive and pragmatic aspects.

Keywords: phraseological unit, logopicture, semantic feature, Russian folk tale, literary tale, speech genre, communicative purpose.

Одной из серьёзных проблем в отечественной лингвистике остаётся отсутствие единого определения понятия «фразеологизм, фразеологическая единица». Также до сих пор не существует всеми признанной классификации фразеологизмов, что порождает многочисленные споры в научном сообществе. Открытым остаётся вопрос о месте теории логоэпистемы в современной лингвистике. Однако в настоящее время многочисленные исследователи русской словесности стремятся всесторонне изучить данное явление. Мы сделали вывод о том, что фразеология – это сложное явление, которое находится на границе двух разных миров: языка и культуры. Определённо, можно говорить о том, что формирование культурных стереотипов возникает под влиянием родного языка. Однако стоит отметить, что на сегодняшний день этнокультурная составляющая как один из элементов фразеологического значения фиксируется далеко не всеми исследователями, а сам вопрос до сих пор остаётся спорным и непростым в лингвистическом сообществе.

Любой язык есть отражение культуры народа. Он вбирает в себя и своеобразно преломляет всю совокупность знаний и представлений человека о мире. Наиболее ярко своеобразие национальной культуры проявляется во фразеологии. Именно через неё мы познаём быт народа, его традиции, обычаи, идеалы, нравы, религиозные представления и многое другое. Фразеология – это настоящая сокровищница народной мудрости. В последние годы в отечественной филологии активно развивается новое направление – изучение присущих любой национальной культуре логоэпистем. Создатели этого направления, В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова, дают для данного термина следующее определение: «Логоэпистема – это языковое выражение закреплённого общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [1, с. 42]. Вслед за В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой, мы постараемся проследить, как две различные знаковые системы – язык и культура – соприкасаются во фразеологии.

В последние годы учёные особенно заинтересовались проблемами соотношения языка и этноса, языка и культуры. По этой причине появляется большое количество работ, которые посвящены языковой картине мира того или иного народа [2, с. 578]. На наш взгляд, выделение логоэпистемы как значимой категории в модели научного знания, которая функционирует как на уровне языка, так и на уровне культуры, можно признать одной из самых удачных методологических и терминологических находок в последние годы.

Фразеологические единицы, будучи разновидностью логоэпистем, проносят сквозь века представления наших предков о мире, о человеке, о жизни и смерти, о красоте, о добре и зле. Фразеология приобщает нас к истории и культуре целой нации, помогает лучше осознать, кто мы. Фразеологизмы часто играют текстообразующую роль. Именно они создают тот или иной речевой жанр, который обладает характерной особенностью, свойственной только данному этносу.

Рассмотрим наш тезис на примере различных типов речевых жанров.

Большое количество фразеологических единиц содержится в таком оценочном речевом жанре, как «хула, порицание». Приведём пример из авторской сказки: *Славный царь Горох только посмеялся над хвастовством короля Косаря: молод-де еще, на губах молоко не обсохло!* («Сказка про царя Гороха»). Данный фразеологизм имеет следующее значение: «кто-либо совсем ещё молод и неопытен» [3, с. 252]. Он имеет помету «прост.», что говорит об отсутствии аналогов в других национальных языках. Адресант речи делает акцент на том, что, по всей вероятности, он старше и опытнее, чем адресат речи, а значит имеет больший вес в обществе. Таким образом, говорящий преследует цель унижить или даже оскорбить слушающего, а значит – мы имеем дело с оценочным речевым жанром «хула, порицание».

Немалое количество фразеологизмов встречается в таком оценочном речевом жанре, как «похвала». Приведём пример из русской народной сказки: *То ли дело моя работа: я всё из чистого золота делаю – **любо-дорого** поглядеть.* («Деревянный орёл»). Фразеологическая единица «**любо-дорого**» обозначает «очень хорошо, очень приятно» [3, с. 234]. Стоит отметить, что в речевом жанре «похвала» оценочный компонент, как правило, практически никогда не опускается. В данной речевой ситуации мы видим оценку адресантом речи своего изделия: он сделал всё настолько качественно и красиво, что на его произведение приятно смотреть. Фразеологизм «**любо-дорого**» мы относим к фразеологическим сращениям, а потому можно говорить о том, что данная фразеологическая единица обладает культурно-национальной спецификой, присущей только русскому народу.

У каждой нации есть свои особенности приветствия и прощания в речевом этикете. Безусловно, русский народ не стал исключением. Ритуальный речевой жанр «прощание» содержит немалое количество фразеологических единиц, которые свойственны именно нашему этносу. Приведём примеры из авторских и русских народных сказок: *Отвечает золотая рыбка: «Не печалься, ступай себе **с богом**. Будет вам новое корыто».* («Сказка о рыбаке и рыбке»); *Иди, живи **с богом**, только никому не рассказывай, что я по-собачьи лаял!* («Барин и собака»). Данный фразеологизм в настоящее время считается устаревшим и обозначает «пожелание успеха в каком-либо деле, начинании и т. п.» [3, с. 41]. На речевой жанр «прощание» в данных примерах указывают императивы «*ступай*», «*иди*». Однако фразеологизм «**с богом**» придаёт особый оттенок высказыванию. Адресант речи не просто прощается с адресатом, но желает ему счастья (безусловно, мы можем проследить христианскую основу данной фразеологической единицы – вера русского народа в Бога, который есть абсолютное Добро и абсолютное Счастье).

Таким образом, мы снова возвращаемся к мысли о том, что фразеологизмы тесно переплетены с таким понятием, как «речевой жанр» и, безусловно, являются тем компонентом, который способен отобразить ту или иную языковую картину мира.

В русских народных и авторских сказках фразеологические единицы могут выполнять различные семантические функции. Проанализировав отобранные нами примеры, мы предлагаем следующую классификацию:

1) выражение положительных эмоций: *Обрадовался игумен, и все монахи повеселели: – Ну, **слава богу**, та беда миновала!* («Беззаботный монастырь»). Значение фразеологизма: выражение радости, успокоения, облегчения, удовлетворения по поводу чего-либо [3, с. 430]; *Как **гора с плеч** долой!* («Беззаботный монастырь»). Значение фразеологизма: рассеялись тревоги, сомнения; наступило полное облегчение после избавления от забот, обязанностей, от чего-либо обременительного и т. п. [3, с. 116];

2) выражение отрицательных эмоций: *Ах, как ты меня напугала, глупая! – проговорил Заяц, немного успокоившись. – Душа в пятки ушла...* («Серая Шейка»). Значение фразеологизма: кто-либо испытывает сильный страх [3, с. 150]; *Нечего делать – пошли добрые молодцы домой и головы повесили.* («Два Ивана – солдатских сына»). Значение фразеологизма: приходить в уныние, в отчаяние, огорчаться [3, с. 63];

3) выражение нейтральных эмоций: *Отцы заботятся о детях, а тебе – **хоть трава не расти!*** («Серая шейка»). Значение фразеологизма: выражение полного равнодушия, безразличия к чему-либо [3, с. 481]; *Ему **и горя мало**, как другие живут на свете, и только самому бы погулять.* («Лесная сказка»). Значение фразеологизма: кто-либо не проявляет никакого внимания к чему-либо, беспокойства по поводу чего-либо; кого-либо не трогает, не волнует что-либо [3, с. 236];

4) выражение оценки адресантом речи происходящего: *Им навстречу, грозно воя, Пёс бежит и ко двору. Путь им кажет. "**Не к добру!**" – Братья молвили...* («Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях»). Значение фразеологизма: к плохому, к беде, несчастью. О том, что угрожает дурными последствиями, предвещает плохое [3, с. 141]; ***Одно название, что сено...*** («Упрямый козёл»). Значение фразеологизма: только называется так. О несоответствии названия кого-либо или чего-либо тому, что кто-либо или что-либо представляет собой на самом деле [3, с. 263];

5) выражение реакции субъекта на происходящее: *Солдат не унывает, те речи **мимо ушей пропускает.*** («Елена Премудрая»). Значение фразеологизма: не обращать внимания, не реагировать на то, что говорится, на то, что сказано [3, с. 364]; *«Что я вижу? что такое? Как!» – и **дух** в нём **занялся...*** («Сказка о царе Салтане»). Значение фразеологизма: тяжело, трудно дышать от избытка чувств, сильных переживаний, каких-либо ощущений и т. п. [3, с. 148];

6) фразеологические формулы речевого этикета: ***Милости просим, красная девица!*** («Два Ивана – солдатских сына»). Значение фразеологизма: выражение вежливого приглашения прийти, приехать в гости или войти, принять участие в беседе, угощении и т. п. [3, с. 365];

7) выражение времени: *Действительно, опасность была **на носу.*** («Серая шейка»). Значение фразеологизма: очень скоро, в ближайшее время, вот-вот произойдёт, наступит и т. п. что-либо [3, с. 287]; *А службы не забывает: каждое утро **ни свет ни заря** идёт в лес, настреляет дичи и несёт на царскую кухню* («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»). Значение фразеологизма: в самую рань, спозаранку, до рассвета [3, с. 412];

8) выражение пространства: *Что готов душою страстной За царевною прекрасной Он пешком идти отсель Хоть за тридевять земель.* («Сказка о царе Салтане»). Значение фразеологизма: очень далеко (жить, уехать, находиться и т. п.) [3, с. 173];

9) передача меры и степени: *Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во всё горло.* («Лиса-исповедница»). Значение фразеологизма: очень громко (кричать, орать и т. п.) [3, с. 117]; *Надоел он до смерти.* («Кот и лиса»). Значение фразеологизма: очень сильно (хотеть, любить, скучать и т. п.) [3, с. 437];

10) выражение стремительности действия: *Бедная собака едва успела унести ноги.* («Упрямый козёл»). Значение фразеологизма: поспешно уходить, убегать, исчезать [3, с. 495–496]; *Схватил кольцо в зубы и давай бог ноги – что есть силы бежать, а на уме у него такая думка: «Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похвалюсь, что один всё устроил».* («Волшебное кольцо»). Значение фразеологизма: поспешно, стремительно убегает, удирает, пускается наутёк [3, с. 123];

Проанализировав отобранный нами материал, мы можем сделать следующие выводы:

1) фразеологизмы с семантической функцией «выражение положительных эмоций» наблюдаются в гораздо меньшем количестве, чем фразеологизмы с семантической функцией «выражение отрицательных эмоций». Осмелимся предположить, что это связано со спецификой жанра «сказка». Большую часть времени герой сказки пытается справиться с теми или иными трудностями, которые выпали на его долю; он горюет, плачет, отсюда и такое обилие фразеологических единиц с семантической функцией «выражение отрицательных эмоций»;

2) небольшое количество фразеологизмов с семантической функцией «выражение нейтральных эмоций» обусловлено спецификой самого жанра «сказка». Сказка требует яркой, экспрессивной и оценочной лексики для более точного изображения героев и окружающего мира;

3) сказка – это довольно утрированный мир. Отсюда такое большое количество фразеологических единиц с семантической функцией «передача меры и степени»: если кто-то кричит, то *во всё горло*, если кто-то кого-то любит или ненавидит, то *до смерти*, а если кто-то сильно взволнован, испуган или раздосадован, то *до глубины души*.

Сказка, как и любой текст, есть сообщение, которое всегда кому-то адресовано. По этой причине для анализа русских народных и авторских сказок весьма важен коммуникативный подход, благодаря которому раскрывается отношение говорящего в отборе речевых возможностей в построении текста.

В основе дифференциации речевого жанра лежит такое понятие, как «коммуникативная цель». В зависимости от того, какую задачу ставит перед собой адресант речи, мы и выделяем тот или иной речевой жанр, а фразеологизмы выступают в качестве одного из способов дифференциации речевого жанра.

В целом, в авторских и русских народных сказках информационные речевые жанры присутствуют в небольшом количестве. Это обусловлено спецификой жанра «сказка». Ядро данного жанра составляют взаимоотношения героев, а значит – в сказках будут преобладать оценочные, императивные и ритуальные речевые жанры.

Фразеологизмы позволяют языку и культуре находиться в тесной взаимосвязи. Понять ту или иную языковую картину мира без знания фразеологических единиц невозможно. Незнание фразеологизмов той или иной нации значительно осложняет как информационную, так и фатическую коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.
2. Каримова З. С. Проблема определения фразеологизма в современной лингвистике // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – № 3. – С. 578–581.
3. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Сов. энцикл., 1968. – 543 с.

ГОРБУНОВА Л. Г., КИРЕЕВА Е. М.

РАЗНОВИДНОСТИ КЛИШЕ В РОССИЙСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства стандартизации, используемые в российских СМИ. Предпринимается попытка проследить причины возникновения условий употребления клише в газетном языке и дикторской речи, подробно рассматривается семантика приводимых лингвистических фактов. Фактический материал свидетельствует о том, что далеко не всегда употребление клише и штампов является обоснованным. При этом отмечается положительное свойство клише и штампов экономить пространство СМИ.

Ключевые слова: дискурс, штамп, клише, стереотип, публицистический стиль, средства массовой информации, стандарт, речевая формула.

GORBUNOVA L. G., KIREEVA E. M.

TYPES OF CLICHES IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Abstract. The article studies the language means of standardization used in the Russian media. The authors make an attempt to find out the reasons of the use of clichés in the newspaper language and announcer speech. The semantics of the linguistic facts is considered in detail. The practical material shows that the use of clichés and speech stamps is not always justified. At the same time, the use of clichés and speech stamps is a positive development as they save media space.

Keywords: discourse, speech stamp, cliché, stereotype, journalistic style, media, standard, speech formula.

Современные СМИ не только отражают культурные ценности общества, его мировоззрение, нравственные и эстетические предпочтения, но и сами формируют собственные традиции. Лексика публицистического стиля отличается разнообразием, в ней происходят постоянные процессы стандартизации, изменения и обновления. Язык СМИ обладает своими константными характеристиками, в частности, он должен быть доступен для восприятия и руководствоваться принципом экономии. Обе названные тенденции воплощаются в употреблении клишированных конструкций. При этом употребление штампов и клише может быть оправданным и неоправданным.

Существуют различные определения и описания характеристик речевого штампа. По своей форме штампы часто соотносятся с клише, стереотипами, фразеологизмами, пословицами, цитатами и другими явлениями, что затрудняет проблему их разграничения. Некоторые исследователи даже считают понятия «штамп» и «клише» синонимами. Так, большой энциклопедический словарь под редакцией В. Н. Ярцевой дает следующее

определение: «речевой штамп – стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, «готовый к употреблению» и потому наиболее «удобный» знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную и образную нагрузку» [1, с. 588]. По мнению Е. В. Гринкевич, категориальными признаками речевых штампов являются: стереотипная сниженная экспрессивность: однообразие семантики и структуры, серийность конструкций; раздельнооформленность, наличие не менее двух лексических компонентов; стабильность сочетаний, десемантизация слов-компонентов; использование стилистически окрашенных конструкций не по назначению, их стилистическое и семантическое рассогласование с другими элементами текста; чрезмерная употребительность единиц в небольшом по объему тексте, текстах одного стиля речи [2, с. 7–8]. Употребление штампов снижает эмоциональность высказывания, его информативность, вследствие чего теряется и воздействие на аудиторию.

В отличие от штампов, клише (речевой стандарт) – это готовый, воспроизводимый в определенных ситуациях и сферах общения оборот, который лаконично выражает мысль и не вызывает негативного отношения со стороны адресата. Характеристики клише: легкая воспроизводимость готовых речевых формул; четкость семантики, конкретизация; формально-смысловая стандартизированность; облегчение коммуникации, лаконичное выражение мысли при экономии усилий и времени [3, с.156]. Речевой штамп аналогичен клише в плане устойчивости, воспроизводимости, автоматизма использования, и противопоставлен в плане оценочности [4, с. 574].

Своеобразным источником штампов оказывается публицистическая речь. Н.Н. Кохтев считает, что функция газеты и условия ее создания приводят к употреблению готовых формул, связанных со степенью семантической и структурной напряженности, «конденсации» языка [5, с. 40]. Кроме того, к появлению штампов приводит повторяемость тематики, ограниченный круг тем. Также одной из основных причин возникновения штампов является стремление к экспрессивности высказывания.

Существуют различные источники речевых штампов: структурные заимствования из другого языка, образцы-эталоны, прецедентное высказывание. Штампом может стать любая единица языка: слово, словосочетание, предложение и т.п. Одной из основных причин возникновения штампов становится стремление к экспрессивности. Удачный, яркий оборот начинает использоваться очень часто, что приводит к его превращению в штамп. В связи с этим можно выделить два крупных источника штампов: метафоры и фразеологию. Также популярны конструкции с универсальными словами и словами-спутниками.

Массовая коммуникация представляет собой многоаспектный феномен и является не только сферой потребления информации и развлечений, но выступает пространством, в котором люди создают и обмениваются знаниями, жизненными ценностями, ориентирами. Особенностью медийного дискурса является то, что все социальные, культурные, языковые изменения в обществе очень быстро и достаточно адекватно отражаются в материалах СМИ. Медийный дискурс выступает в роли посредника. Он переводит информацию в смыслы, переносит знания с одного уровня на другой, объединяет информацию различного типа (например, событийную и развлекательную) [6, с. 125]. Массовая коммуникация позволяет структурировать и обосновывать собственный опыт и убеждения. К медийному дискурсу относятся теле-, радиодискурс, печатные издания, а также PR-дискурс и Интернет-коммуникации. Все эти разновидности формируют медиапространство.

Анализ медийного дискурса дает нам представление о понимании мира, связан с культурным контекстом и социальным взаимодействием. Он позволяет выявить процессы формирования понятий в пространстве масс-медиа, выявить привлекательные образы. Таким образом, медийный дискурс является многоаспектным феноменом. Это не только источник информации и средство досуга, но и пространство для обмена ценностями, взглядами, опытом. Медийный дискурс очень быстро отражает социальные, культурные и языковые изменения в обществе. Тексты медийного пространства передают информацию об актуальных темах: политические и экономические вопросы, вопросы культуры и морали. При этом они определенным образом воздействуют на читателя, чтобы сформировать у аудитории нужно представление и взгляды.

Интернет-коммуникации отличает диалогичность, анонимность, частое обновление, а также возможность общения в реальном времени. Среди публицистических метафор популярны образы природных стихий, употребляемые чаще всего в негативном контексте: *пожар, наводнение, ураган* и т.д.

Слово *волна* в подобных метафорах употребляется в значении ‘о том, что движется друг за другом во множестве на некотором расстоянии; о массовом проявлении чего-нибудь’. Для усиления эффекта часто используются экспрессивные глаголы *накрыла, обрушилась, захлестнула* и т.п. либо добавляются эпитеты *мощная, огромная, высокая* и др.: Перспектива оставить больных людей без эффективного лечения во имя высших геополитических соображений вызвала недоумение и *мощную волну протестов* в российском обществе... *Нарастающая волна протестов* стала холодным душем для инициаторов законопроекта, но достаточно ли его для отрезвления? («Труд» № 029 от 11.05.2018 «Вражьё пилюли: вторая серия» В. Головачев).

Образ водной стихии присутствует и в слове *поток*. Его значение – ‘стремительно

текущая водная масса' – становится неопределенным, превращается в 'нечто, текущее в большом количестве': Как оградить покупателей от *потока* некачественных и поддельных *товаров*? («Первый канал» Новости 05.04.2018). В метафорах *волна* и *поток* основой для создания образа становится значение массовости и движения, иногда разрушительного характера.

Ряд метафор, связанных с водной стихией, продолжает менее употребляемое слово *всплеск*. Значение 'звук, шум плеснувшей воды' переосмысливается, при этом акцент делается на причинах, вызвавших данное событие. Важными характеристиками являются также внезапность и кратковременность явления: Чемпионат мира в России вызвал небывалый *всплеск народного творчества* («Первый канал» Новости 08.07.2018).

Образ огня в публицистике выражается глаголом *разгорается*. Основными свойствами при этом выступают всеохватность, скорость и разрушительность. Данный образ всегда связан с конфликтами и кризисами: Между Россией и Великобританией *вовсю разгорается* дипломатический скандал («Аргументы и Факты» № 12 от 21.03.2018).

Из образов природных явлений популярна и *буря* – 'ненастье с сильным разрушительным ветром'. Для создания метафоры в этом случае важны значения массовости, силы, хаотичности. Этот образ обычно служит для передачи резкой реакции общества на какие-либо события: Практические результаты сделки оказались настолько ошеломляющими, что вызвали *бурю негодования* в самых различных слоях общества («Россия 24» Вести. Экономика 12.05.2018).

Следует заметить, что в большинстве случаев данная метафора используется для передачи отрицательных эмоций: гнев, возмущение, недовольство, негодование. Однако встречается и в положительном контексте, например: Историческая победа, фантастически красивая игра и *буря эмоций!* («Первый канал» Новости 12.07.2018).

Человеческие качества часто переносят и на другие отвлеченные понятия и неодушевленные предметы. Возникают метафоры, соотносящиеся с той или иной сферой жизни человека: военной, спортивной, медицинской, театральной и др.

Чаще других в медийном дискурсе используются негативные метафоры: военные и метафоры, связанные с преступной деятельностью. При описании большой массы людей используется переносное значение слова *армия* – 'совокупность большого количества чем-то объединенных людей', например: *Армия фанатов* за один день попыталась наверстать упущенное в России («Первый канал» Новости 12.07.2018).

Слово *плен* в расширенном значении становится не 'состоянием порабощенности, того, кто захвачен на войне противником и лишен свободы', а любым сложным, безвыходным положением: В горах Пакистана в *снежной ловушке* оказался альпинист из

Петербурга. Альпинист оказался заблокирован в *снежном плену* на высоте около 6 километров. («НТВ» Сегодня 22.07.2018).

В этом же примере мы видим переосмысленное слово *ловушка*, первоначальное значение которого ‘приспособление для поимки, захвата, ловли кого-либо’. Этот ряд продолжает слово *заложник* – ‘человек, насильственно задержанный в обеспечение выполнения каких-нибудь требований’. Но если *плен* и *ловушка* чаще соотносятся с природными явлениями, то слово *заложник* употребляется при описании ситуаций, вызванных деятельностью человека: Жильцы стали *заложниками ситуации*, при которой их дом имеет один фундамент со зданием Высшей школы журналистики СПбГУ («НТВ» Сегодня 11.12.2018); В результате спора между авиаперевозчиком и туроператором пассажиры стали *заложниками ситуации* с отменой рейса («Звезда» Новости. Главное 09.12.2018); *Заложники собственных эмоций*: хоккеистов могут наказать за исполнение гимна России («Московский комсомолец» №27624 от 26.02.2018 Дмитрий Любимов «Отделаемся ли малым штрафом?»).

Слова *грабить*, *разорять* со значением ‘открытое похищение чужого имущества’ в публицистике часто относятся к неодушевленным понятиям. Обычно они используются при описании высоких цен, роста налогов или введении новых проектов: Современные фобии, которые нас *разоряют* («Первый канал» Теория заговора 19.11.2017).

Подобный выбор метафор можно объяснить эффектом негативности. Он заключается в том, что любая негативная черта оказывает на человека более сильное влияние, чем позитивная. Люди обращают больше внимания и лучше запоминают именно плохие новости: о стихийных бедствиях, несчастных случаях, преступлениях и пр. Соответственно, они быстрее реагируют на слова с негативной семантикой. Эволюционно в нас заложена бдительность к угрозе, а именно подобные слова сигнализируют о возможной опасности.

Фразеологизмы представляют собой готовые сочетания, обладающие яркой окраской и образностью. Поэтому они так же активно используются в медийном дискурсе, как и метафоры. Некоторые фразеологизмы становятся настолько частотными, что начинают терять экспрессивность и переходят в штампы.

Примером такого популярного штампованного выражения является сочетание *побить рекорд*. Этот фразеологизм широко используется в различных тематических контекстах: Московская погода *бьет рекорды* третьи сутки подряд («НТВ» Сегодня 27.02.2018).

Не менее популярен похожий фразеологизм *поставить рекорд*: Владимир Путин *установил рекорд* по количеству голосов («Аргументы и Факты» № 12 от 21.03.2018 «Владимир Путин установил рекорд по количеству голосов» Г. Иванов).

Часто используется фразеологизм *принять удар на себя*. Его значение – ‘брать на себя ответственность за какие-либо действия’ – переосмысливается в ‘защитить кого-либо, рискуя собой’: По сути дела, Рим *принял на себя* весь этот миграционный удар («НТВ» Сегодня 25.06.2018).

Широко используется выражение *набирать обороты* в значении ‘развиваться, продвигаться, прогрессировать’. Этот фразеологизм встречается в различных контекстах: Очевидно, что политика давления на Россию будет только *набирать обороты* («Жизнь» № 31(9) от 15.08.2017 «Правила игры изменились» А. Бабицкий).

В медийном дискурсе широко используются клише различных видов: официально-деловые, научные, этикетные. При уместном употреблении они продолжают выполнять свои главные функции: передача точной информации, создание логичного и убедительного рассуждения, установление контакта с аудиторией.

Чтобы сделать текст максимально точным и информативным, журналисты вынуждены включать в него термины и обороты той или иной описываемой сферы. Но поскольку публицистика ориентируется на массового читателя, подобные обороты должны быть понятными и широко используемыми. К ним относятся следующие обороты: *вести переговоры, внести законопроект, подписать соглашение, одобрить поправки, выступить против, изменить политику и т.д.*: Актуальные *мировые проблемы и развитие двусторонних отношений* российский президент обсудил сегодня по телефону со своим французским коллегой («Первый канал» Время 10.08.2018).

Согласно исследованию А. Н. Полянской, клише в текстах политической тематики встречаются в полтора раза чаще, чем в статьях о культуре [7; с. 138]. Это связано с тем, что на подготовку материала на такие темы, как культура, выделяется больше времени, и у автора есть возможность избавиться от всего лишнего, разнообразить текст. У авторов статей на политические темы подобной возможности нет, поскольку ключевую роль играет именно актуальность и своевременность предоставляемой информации.

Финансово-экономические клише в настоящее время занимают особое место в арсенале лексических средств, но наиболее часто встречаются в периодических публикациях экономического и научно-технического характера (*курс рубля, финансовый рынок, национальная валюта*). Они являются конструктивными единицами речи и, несмотря на частое употребление, сохраняют свою семантику: *потенциальный рынок, доллар падает/поднимается, доллар сильный и стабильный / слабый и нестабильный, утвердить бюджет, сократить инвестиции*: Зерновой рынок России на минувшей неделе откликнулся

на снижение курса рубля активным ростом цен, сообщает «Совэкон» («Коммерсантъ» № 65 от 16.04.2018 Анатолий Костырев «Закрома доллара»).

Используется и юридическая терминология: *признать незаконным, вынести решение, должностное преступление, осудить на срок...* и т.д.: В настоящий момент *по факту ДТП заведено уголовное дело* («НТВ» Сегодня 22.07.2018).

Таким образом, сфера специальной лексики в российском медийном дискурсе последнего времени претерпела изменения. Экономические и юридические термины активно используются журналистами для написания статей соответствующей тематики, что способствует переходу специальной лексики в общее употребление. Употребление штампов и клише является одной из характерных черт современного публицистического стиля. Использование готовых моделей и выражений позволяет быстро создать текст, что является важным в сфере средств массовой информации. Однако стремление к минимизации коммуникативных усилий приводит к засорению штампами большого числа текстов, к потере их выразительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т. Г. Штамп // Большой энциклопедический словарь. Языкознание; под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1998. – С. 588–589.
2. Гринкевич Е. В. Речевые штампы: динамика их экспрессивности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2007. – 18 с.
3. Копнина Г. А. Клише, или речевой стереотип // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки, и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – М., 2005. – С. 156.
4. Матвеева Т. В. Речевой штамп // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник/под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М., 2003. – С. 574–575.
5. Кохтев Н. Н. Клише и газетная речь // Вестник МГУ. – 1968. – № 3. – С.40–45.
6. Васильева Е. Ю. Медиадискурс и его коммуникативная область // Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2017. – С. 122–127.
7. Полянская А. Н. Языковые и речевые штампы и клише в новостных сообщениях // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. – 2016. – № 5. – С. 133–140.

КЛЕЦИНА Е. А.

ФИННО-УГОРСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ А. В. ИВАНОВА

«ЗОЛОТО БУНТА, ИЛИ ВНИЗ ПО РЕКЕ ТЕСНИН»

Аннотация. В статье рассматриваются принципы художественного осмысления межнациональных отношений в романе А. В. Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин». Особое внимание обращается на характер звучания в произведении финно-угорских мотивов.

Ключевые слова: финно-угорские мотивы, этнос, образ, бунт, Пугачев.

KLETSINA E. A.

FINNO-UGRIC MOTIVES IN THE NOVEL

"THE GOLD OF THE RIOT" BY A. V. IVANOV

Abstract. The article considers the principles of literary interpretation of interethnic relations in the novel "The Gold of the Riot" by A. V. Ivanov. The study is focused on the functions of Finno-Ugric motives in the novel in question.

Keywords: Finno-Ugric motives, ethnos, image, riot, Pugachev.

Романы А. В. Иванова исполнены ярких идей и образов, благодаря которым открывается новый мир, не похожий на реальное жизненное пространство дюжинного человека, но из-за этого еще более притягательный. Энергичная уральская природа (могучие горы, непроходимые леса, бурные реки) рождает многогранные характеры, мощные и глубокие отношения между народами и людьми, объятые ею и вплетенными в нее. Например, в мотивику романа «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» (далее «Золото бунта») влились финно-угорские мотивы, звучащие благодаря введению образов вогульских шаманов, выражающих специфический характер древней культуры народа (вогулы, или манси, – древний финно-угорский народ). А. В. Иванов погружает в мистический, магический, мифологический, традиционный мир вогулов главного героя романа, расширяя тем самым границы его ментального, эмоционального и пространственно-временного бытия.

«Золото бунта» – роман, художественно воссоздающий время и события, явившиеся вслед за подавленным пугачевским бунтом. Здесь читатель входит в мир героев, сложившийся во времена жестокие и сложные, когда люди руководствовались принципом «выживает сильнейший». Ментальное, духовное, эмоциональное, физическое, географическое, культурное пространства, слившиеся в сознании человека XVIII века постпугачевской поры, делают произведение многослойным [4; 5]. Автор рисует

необыкновенные уральские пейзажи; вводит тему веры и религии, сравнивая разные ветви православия и создавая свой «толк» – истязательство; рассказывает о жизни сплавщиков, бурлаков, пытарей, разбойников, военных, священников, старейшин; о национальном своеобразии жизни на Урале русских, татар, башкир, вогулов и других народов. В рамках настоящего исследования нас интересует характер звучания финно-угорских мотивов в романе.

Начиная с главы «Люди леса» разворачивается иной мир, который разнится с культурным и ментальным миром главного героя, но который органично сосуществует с ним: «Вогульская деревня Ёква десятком низких домишек и десятком чумов расползлась по берегу Чусовой в излучине. Над берестяными крышами высоко возносились тонкие мачтовые сосны. Косматое солнце слепило сквозь их ветхую хвою. Вдали по правую руку вставали над лесами три красноватых чела Собачьих Камней, словно старые небеленые печи. Огненно рябила речушка Ёква, бежавшая сквозь деревню и впадавшая в Чусовую. Ярко зеленела свежая трава на берегах, на склоне Собачьих Камней» [3, с. 63]. Автор воссоздает картины почти нетронутой живой и дышащей природы. Мы не видим ни заводов, ни фабрик, ни людской суеты. Лишь несколько небольших домиков, не нарушающих зеленую псевдоидиллию. Рука человека здесь не властная покровительница, она просящая и благодарная. Спокойствие и отчужденность вогульской деревни от русской суеты рождает обманчивое впечатление, будто ее не тронул смертоносный бунт. Кажется, что она существует в иной реальности, что, конечно, не так: пугачевщина прошла и через вогулов: «Ваш Пугач бешеный всю мою старость отравил хуже той ведьмы с Синего болота... Горе» [3, с. 70]. Но не только разрушающая сила бунта взломала естественную вогульскую жизнь, русские также оказали своё влияние.

Глава «Люди леса» открывает нам быт и жизнь вогулов, прорисовывая их черты и описывая их: «Двор Шакулы был охвачен шаткой изгородью: старик вогул натыкал так и сяк палок, прутьев, обломков жердей, перевил их двумя-тремя лещинами и тем был доволен. В ограде стоял и чум Шакулы, где старик жил, пока не донимали морозы. Повсюду на дворе валялись рваные полотна и закрученные полосы бересты, куски сосновой коры, ломаный сушняк для очага, угли, кости, щепки, глиняные черепки. К низким стенам были привалены связки тальника, длинные шесты, высокие долбленные ступы с круглыми пробками в дырах от сучков. На концах стропил висели мотки лыковых и березовых веревок и неразобранные упряжи. На крыше лежали вверх полозьями нарты; на сушилах и на ограде были растянуты сети с белыми прядями невыпутанных водорослей и гроздьями деревянных кибасьев. Шакула разметал свое немудрящее хозяйство по двору, не боясь воровства» [3, с. 64].

Вогулы живут иначе, чем русские, у которых в каждом доме у двери припрятано ружье. Вогулов не заботит то, что могут прийти воры. И это не потому, что в деревне их не бывает.

Национальный мир вогулов таинствен, не понятен русскому человеку. Вогулы – язычники и шаманы – поклоняются идолам, которые, в свою очередь, служат им. Отсюда возможность сотрудничества с силами природы, которая щедро одаривает их. «Маленький» народ, владеющий духами леса и гор, живущий в гармонии с ними, парящий над землей и проникающий в ее глубины, способен управлять людьми, заточать или освобождать их души, хранящиеся в ургаланах.

Самые яркие образы вогулов в романе – старик Шакула и юная красавица Бойтэ. Они играют двойные роли. С одной стороны, представляют свой народ: впуская в свое жилище, открывают устройство вогульского мира, интересы национальной жизни, способы выживания: «Я (Шакула. – Е.К.) лесом живу, что он даст – то ем, тем пользуюсь, лишнее продаю. Лесом и хожу. На что мне река? Это не моя дорога. Это ваша дорога, русских, что без ума и страха» [3, с. 66]; «Шакула был ясачным вогулом и вправду жил лесом: бил зверя, ставил силки, собирал грибы, ягоды и травы, брал дикий мед и живицу, обколачивал кедры, драл лыко... А еще Шакула понемногу курил смолу и гнал деготь, плел вентери, корзины и морды, вертел клячемвитвины – веревки из гибких виц, резал из сучков клевцы на бороны, гнул пестери, туеса и коробы, мастерил из бересты обувь – верзни, бахоры и бредовики, строгал всякий мелкий щепной товар – ложки и кочедыки, бутырки и калганы. Да много чего делал Шакула, даже березовым соком торговал» [3, с. 66]. С другой стороны, выражают отношение к русским. А. В. Иванов показывает, как народы не только сталкиваются, отбирая друг у друга жизненное пространство, но и как взаимодействуют, перенимая жизненные привычки и манеры, торгуя, вступая в дружеские и прочие отношения

При безусловной разности образа жизни русских и вогулов их сближает трепетное отношение к вере. В суматошное время, когда нет единства мнений, власть, подчинение, честный труд и преступления смешались, и сложно определить, где правда, а где ложь, люди пребывают в поисках Бога и в размышлениях о душе.

Идолопоклонство – важная часть жизни старика Шакулы. Он верит, что у каждого идола есть своё место, функция и значение. Если спутать идола, то бог будет злиться и мешать тебе, а не помогать. Одушевление природы также присутствует. Могучая река Чусовая, или Ханглавит, как называет её вогул, мыслит и чувствует. Необходимо уважать богов, реку, лес, иначе те начнут мстить. Вогулы понимают это, русские – нет: «Как вы, русские, начали тут хозяйничать, сбесился Ханглавит. Каждую весну по лугам, по лесам

течет, кричит, как медведь, скалы грызет, деревья рвет. Старики такого не помнили прежде. На кого Ханглавит злится? На вас. Вы его дразните, беды не чуя» [3, с. 66-67].

Язычник-колдун, поклоняясь богам, принося им жертвы, способен использовать их силу в своих целях, поэтому «вогульские бесы» не раз встречаются в романе. Идолы часто попадают героям в лесах. Шакула использует их для заточения человеческих душ, которыми нередко кормит своих богов. Он же помогает старцам, правящим на Чусовой.

Вогулка Бойтэ, несмотря на молодость, тоже способна погружаться в транс, ворожить, вступать в контакт с иными силами. Она молодая, сильная, яркая представительница своего народа, разбитого русскими и согнанного на ничтожную территорию, но многогранного и самодостаточного. Будучи сиротой и не имея возможности на обретение своего места, она находится в поисках себя.

В главе «Жлудовка» автор раскрывает характер героини. Бойтэ, живая и бойкая, бьется за свое существование сначала безмолвием и покорностью, накапливая в себе гнев и продумывая план мести обидчикам, а затем – бунтом. Бойтэ – вогулка, шаманка, язычница с заточенной душой, не похожая на русскую женщину, оттого еще более манящая и желанная. Она поклоняется идолам, преследует Осташу Перехода мороком и мечтает скинуть оковы: «Затем, что Шакула был раб, а я у него рабыня! А теперь я буду хозяйкой Ханглавита!» [3, с. 431].

Бойтэ – часть финно-угорского пространства Урала, воссозданного писателем. Она дополняет мир вогулов, расширяя его и показывая с новых сторон. Кроме того, Бойтэ имеет огромное влияние на героя, её образ завладевает его мыслями, привлекает его, меняя, наполняя жизнью. Осташа влюбляется в Бойтэ, мечтая жениться на ней и создать семью.

Таким образом, А. В. Иванов воссоздает в своем романе пласт финно-угорской культуры не только для придания специфического колорита, насыщенного отличными от русского обрядами, традициями, взглядами, но и для обогащения образов героев, их национальных черт и художественного мира в целом, расширяя его границы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков Д. Сплавщик душу вынул, или В лесах других возможностей // Новый мир. – 2006. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/1/by12.htm (дата обращения 14.05.2019).
2. Галиев С. С. Язык мифа в пейзаже романа Алексея Иванова «Золото бунта» // Вестник Университета Российской Академии Образования. – 2011. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/yazyik-mifa-v-pejzazhe-romana-alekseya-ivanova-zoloto-bunta.html> (дата обращения 14.05.2019).

3. Иванов А. В. Золото бунта. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 701 с.
4. Шаронова Е. А. «Мысль историческая» в романе А. В. Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» // Новая наука от идеи к результату: Междунар. научн. периодич. изд-е по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (22 сент. 2016 г., г. Сургут): в 2 ч. Ч. 2. – Стерлитамак: АМИ, 2016. – С. 147–151.
5. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Жанровая специфика русского исторического романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 1. – С. 195–200.

ДИВЕЕВ А. В., ЕРШОВА Н. И.
СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДИАЛЕКТНЫХ
НАИМЕНОВАНИЙ СФЕРЫ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье охарактеризованы парадигматические связи наименований, составляющих лексику свадебного обряда, в русских говорах Мордовии. Описаны синонимические, омонимические, полисемические отношения в рамках рассматриваемой группы. Выявлена общая специфика данных парадигматических связей лексики свадебного обряда на диалектном материале в сопоставлении с литературным языком.

Ключевые слова: лексика свадебного обряда, имя существительное, глагол, синонимия, омонимия, полисемия, парадигматические связи, говоры.

DIVEEV A. V., ERSHOVA N. I.
SEMANTIC UNIGUNESS OF DIALECT NAME OF THE SPHERE OF WEDDING
RITUAL (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Abstract. The article describes the paradigmatic connections of the names that constitute wedding vocabulary of the Russian dialects of Mordovia. The synonymic, homonymous, polysemic relations within the thematic group under consideration are described. The general specificity of the paradigmatic connections of the dialect wedding vocabulary in comparison with the literary language is revealed.

Keywords: wedding vocabulary, noun, verb, synonymy, homonymy, polysemy, paradigmatic connections, dialects.

Атрибутика свадебного обряда в русских говорах Мордовии отличается большой сложностью и разнообразием, что и определяет исключительное богатство диалектной свадебной лексики и фразеологии. Она представляет собой систему, являющуюся частной реализацией общей лексико-семантической системы русского языка, и тесно связана с духовной жизнью человека, отражая национально-культурные особенности диалекта [3, с. 225]. В рамках обозначенной группы наблюдаются различные парадигматические отношения, связывающих языковые единицы сферы свадебного обряда, функционирующие в русских говорах Мордовии и зафиксированные в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» [6].

Синонимия

Проблема синонимии в говорах является одной из мало разработанных и

дискуссионных, поэтому единого определения диалектного синонима пока существует. Это объясняется рядом причин: многие говоры недостаточно изучены, отсутствуют полные словари всех русских говоров и т.д. Мы, вслед за Л. И. Баранниковой, будем считать диалектными синонимами «слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах» [1, с. 102].

В русских говорах на территории Мордовии синонимы различаются оттенками значения, эмоционально-экспрессивной окраской, сочетаемостью с другими словами (см. об этом на диалектном материале другой семантической группы в [2]). С учетом этих различий можно выделить следующие группы синонимов, представленные диалектными существительными и глаголами, характеризующими свадебный обряд.

1. *Абсолютные синонимы (дублеты)*. Они не имеют ни семантических, ни стилистических различий. Так, абсолютными синонимами являются диалектные существительные, входящие в рассматриваемую группу, типа *марьяжник*, *курник* и *соболь* «жених» [Фчярась ана с *марьяжникъм* ф кино хадиль (Ямщина, Инсарский район); *Курникъм*и нашъ сяло багать, мъладыя (Новоникольское, Ельниковский район); Эй, ты, *соболь*, потъ сюда! (Мичурине, Чамзинского района)]; *марьяжная*, *стряпша* и *ярка* «невеста» [Твая *марьяжнь* прихадиль, а тибя не былъ (Ямщина Инсарский район); Уш са *стряпшьми* ходиш (Надеждина, Ельниковский район); Где у вас *яркъ*, мы за ней пришли (Протасово, Лямбирский район)]; *увал*, *уваль* и *паротка* «свадебная фата» [Винчялись в *увальх*, а хто в нарядных платках, у каво чяво нсть (Камаево, Ичалковский район); Нашъ барыня добръ была, мне пирид венцом *уваль* пьдариль (Кочкари, Ичалковский район); Раныны при винчаньи *паротки*-тъ нъдивали (Песочная Лосевка, Краснослободский район)].

К дублетам относятся и диалектные глаголы *отойти*, *просвататься*, *призойти* «выйти замуж», функционирующие в русских говорах Мордовии: У нас так гьварят: если дефкъ замуш выходит, этъ, значит, анна *аташла* от радновъ домъ (Чеберчино, Дубенский район); У миня подрушкъ-тъ раныны миня *просватъльсь* (Чеберчино, Дубенский район); Доц-тъ мая *призашла*, этъ замуш вышль (Нагаево, Инсарский район).

2. *Семантические синонимы*. Они различаются оттенками значения. В русских говорах на территории Мордовии к семантическим синонимам можно отнести глаголы *рядить* «свадебный обряд: украшать лентами и цветами ветку дерева» и *наряжать* «свадебный обряд: украшать цветами и лентами куст репейника, который «продают» вместе с невестой». Напр.: Мы вичёр куст *рядили* (Гумны, Краснослободский район); Дефки *нъряжают* рипей и прьдают вмести с нивестъй жъниху (Черемис, Ковылкинский район).

Диалектных глаголы *рядить* и *наряжать* объединяются общими семантическими

компонентами 'свадебный', 'обряд', 'украшать', 'ленты', 'цветы'. Помимо них, смысловая структура глагола *рядить* содержит темы 'ветка' и 'дерево', а наряжать – семы 'куст', 'репейник', 'который', 'продавать', 'вместе', 'невеста'.

Следует отметить, что семантико-стилистических и стилистических синонимов в русских говорах на территории Мордовии, по-видимому, не наблюдается.

Таким образом, синонимия достаточно широко представлена в группе обрядовой свадебной лексики. Выявлено 12 синонимических рядов (см. об этом на диалектном материале другой семантической группы в [4, с. 89]). Данные ряды довольно малочисленны (включают 2-3 компонента):

1) 2-членный синонимический ряд со значением «жених»: *курник, марьяжник, соболь*;

2) 2-членный синонимический ряд со значением «невеста»: *марьяжная, стряпша, ярка*;

3) 2-членный синонимический ряд со значением «распорядитель на свадьбе со стороны жениха»: *дружка, казак*;

4) 5-членный синонимический ряд со значением «свадебная фата»: *паротка, увал, уволь, тистин, полотенце*;

5) 5-членный синонимический ряд со значением «приданое невесты»: кладка в 3-м значении, *коробье, окладка, приясва, приправа*;

6) 2-членный синонимический ряд со значением «родственники жениха и невесты»: *горной* в 1-м значении, *горны* во 2-м значении;

7) 3-членный синонимический ряд со значением «смотрины»: *гляделки, поглядки, поглядье*;

8) 2-членный синонимический ряд со значением «пир у молодых после свадьбы»: *горны* во 1-м знач., *горной*;

9) 2-членный синонимический ряд со значением «девичник»: *сваха, сестры*;

10) 2-членный синонимический ряд со значением «договариваться о расходах на свадьбу»: *рядить, укладываться*;

11) 2-хчленный синонимический ряд со значением «сосватать, просватать»: *запить, сладить*;

12) 3-членный синонимический ряд со значением «выйти замуж»: *обабиться, призойти, просвататься*.

Как видим, самые многочисленные синонимические ряды рассматриваемой тематической группы составляют диалектные существительные, объединенные общими семами 'свадебная фата' (*паротка, увал, уваль, тистин, полотенце*), а также 'приданое

невесты' (кладка в 3-м значении, коробье, окладка, приясва, приправа). По-видимому, данный факт свидетельствует о важности данных понятий для ценностной системы диалектоносителей (см. [7, с. 4]).

По структуре среди синонимов лексико-семантической группы диалектных существительных и глаголов, характеризующих свадебный обряд, выделяются следующие типы.

1. *Однокорневые разноаффиксные синонимы*: *позывалка, позыватка* «подруга невесты, собирающая гостей на девичник»; *поезженина, поезжина* «свадебный поезд»; *вечеринка, вечеренка* и *вечорка* «вечернее собрание молодежи в доме невесты накануне свадьбы». Напр.: *Пъзывалки* с песнями ад домъ г дому идут (Алексеевка, Темниковский район); *Пъзыватки* нивести нь пастели шьют (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район); *Пъижжынинъ* приехълъ, кармить пара (Кучкаево, Больпеигнатовский район); *Пъижжынъ* паехълъ зъ нивестъй (Ожга, Старошайговский район); *Вичиринки-тъ* пирит сватъбъй играли, эх и виселы были (Старая Федоровка, Старошайговский район).

2. *Разнокорневые синонимы*: *курник* и *квашенник* «свадебный пирог»; *дружка* и *казак* «распорядитель на свадьбе со стороны жениха»; *определить, прохлопать* «выдать замуж», *кладка, коробье, приправа, приясва* «приданое невесты». Напр.: Коли запой, наряжьный *курник* с рубашкъй несут жъниху а взамен пълучают печоный *курник* ис тестъ и подарък нивести (Суподеевка, Ардатовский район); *Квашэнники* нивести готовили (Павловка, Старошайговский район); В *друшки*, знай, радных брали, знакомых хороших (Гумны, Краснослободский район); С *къзаками* инвесту выкупать ездили (Ключарево, Рузаевский район); Миня *апридилили* хърашо (Лаврентьево, Темниковский район); *Прахлопъли* дефку, зъ Пятра пашла, а он ни больнь радеит иё (Тенишево, Теньгушевского района); Хорошъ невестъ юбыла, дъ вот *клаткъ-тъ* никудышнь (Редкодубье, Ардатовский район); Када уедут зъ нивестъй, уедут за придьным. Эти гридьнья и завёцъ *кърабъём* (Лесной, Большеигнатовский район); Ей уш приготовили *приправу* к свадьби (Шигонь, Старошайговский район); Кода я замуш выходиль, мне отец *припеву* дал (Тарханове, Ичалковский район); У миня *приясвы* никакой не былъ (Красный Клин, Рузаевский район).

На этом основании можно заключить, что в говорах, в отличие от литературного языка, хорошо развита словообразовательная синонимия.

Омонимия

«Омонимия как лексическая категория – это семантическое отношение внутренне несвязанных (немотивированных) значений, выражаемых формально сходными знаками (лексемами) и различающихся в тексте благодаря разным контекстуальным окружениям»

[5, с. 214]. Диалектные же омонимы можно определить как слова одной части речи, одинаковые по звучанию и написанию, но разные по значению, если они распространены в одном или территориально близких говорах.

В русских говорах Мордовии, как и в литературном языке, наблюдается полная и частичная омонимия. К полным омонимам относятся диалектные существительные: *розан* «величальная песня, которую поют молодым на свадьбе» и *розан* «возлюбленный»; *гляделки* «глаза» и *гляделки* «обряд знакомства жениха с невестой, смотрины»; *стоянка* «1. Укладка из 10 снопов; 2. Деталь ткацкого станка; 3. Один из вертикальных столбиков самопрялки» и *стоянка* «вечеринка у невесты после сватовства»; *чепец* «большой платок золотистого цвета с кистями, который набрасывала на плечи невеста перед венчанием» и *чепец* «рукоять цепа».

К группе свадебной обрядовой лексики в рассматриваемых говорах относятся следующие члены указанных омонимичных пар: *розан* «величальная песня, которую поют молодым на свадьбе» [Када придут мьладыи, фее сядут зь сталы, здесь вот ы ньчынают петь *розан* (Ивановка, Ромодановский район)]; *гляделки* «обряд знакомства жениха с невестой, смотрины» [Нь *гиделкьх* много падрук събирёцць] (Новая Резеповка, Ковылкинский район), *стоянка* «вечеринка у невесты после сватовства» [*Стаянки-ть* пь нидели бывают (Павловка, Старошайговский район)]; *чепец* «большой платок золотистого цвета с кистями, который набрасывала на плечи невеста перед венчанием» [Ана вышль из избы, а *чипец* упал - плахая приметь (Нижняя Вязера, Инсарский район)].

Следует отметить, что частичных лексических омонимов, имеющих только часть общих форм, среди диалектных существительных и глаголов, входящих в рассматриваемую группу, по-видимому, не наблюдается.

Полисемия

В русских говорах на территории Мордовии отмечается многообразие однозначных и многозначных слов, характеризующих свадебный обряд.

Среди многозначных существительных и глаголов, входящих в рассматриваемую группу, можно выделить следующие: *поезжане* «1. Лица, участвующие в свадебном поезде» [*Пьижжынинь* приехль, кармить пара (Кучкаево, Большеигнатовский район)]; 2. Родственники жениха [*Пьижжынь* паехль зь нивестьй (Ожга, Старошайговский район)]; *горной* «1. Родственники невесты или жениха на свадьбе» [Иди *гарных* на свадьбы гдидеть (Аксёл, Темниковский район)]; 2. Друг жениха на свадьбе [*Гарныи-ть* приехли зь жынихом (село Ефаево, Краснослободский район)]; *кладка* «1. Определенная сумма денег, которую жених выплачивал родителям невесты» [Чем большй *клаткь*, тем жыних багачи (Енглычево, Дубенский район)]; 2. Небольшую сумму денег, которую родители невесты давали жениху

[*Клатку* жыниху дают пятнаццѣть-дваццѣть рублей (Протасово, Лямбирский район)]; 3. Приданое невесты [*Хорошъ невестъ была, дѣ вот клаткѣ-тѣ* никудышнѣ (Редкодубье, Ардатовский район)]; *горны* «1. Родственники невесты или жениха на свадьбе» [Иди *гарных* на свадьбы гдидеть (Аксѣл, Темниковский он)]; 2. Пир у молодых после венчания [У жыниха в даму нѣ *горнах* спирва пасуду бѣют, а патом пляшут (Подверниха, Старошайговский он)]; *курник* «1. Свадебный обряд, когда в свадебный пирог втыкалась украшенная лентами и цветами ветка какого-либо дерева или куст репейника» [Лошѣть рядили, *курник* г дуге привязывѣли дѣ конкѣи. Заходят в ызбу, *курник* ф сиредину пирога ставят (Большие Полянки, Ардатовский район)]; 2. Собрание гостей у невесты после сватовства [Зафтривѣ-тѣ у моей дефки *курник* (Большие Полянки, Ардатовский район)].

Как видим, в лексике свадебного обряда представлено пять многозначных существительных и один многозначный глагол. Особенность данных многозначных слов состоит в том, что все их значения не выходят за рамки анализируемой группы.

Однако чаще в русских говорах Мордовии функционируют многозначные существительные и глаголы, только некоторые значения которых входят в тематическую группу свадебной обрядовой лексики. К ним относятся: *погонялка* «1. Родственница невесты, сопровождающая ее в церковь и в дом жениха; 2. Девочка, которая ходит, бегает без дела; 3. Деталь прялки: планочка, приводящая в движение колесо»; *подклетъ* «1. Помещение, пространство под сениями; 2. Свадебная комната для жениха и невесты; 3. Чулан»; *ярка* «1. Девушка, молодая женщина; 2. Невеста»; *отхожая* «1. Баня, куда приводили молодых после венчания; 2. Уборная вне дома»; *обабиться* «1. Выйти замуж; 2. Утратить девственность, целомудрие».

Очевидно, что к рассматриваемой нами группе относятся следующие значения указанных многозначных существительных и глаголов: *погонялка* «1. Родственница невесты, сопровождающая ее в церковь и в дом жениха» [*Пѣганялкѣ* бываль ни атходит ат невесты, пака винчают, фее время с ней ф цѣркви (Сиалеевский Майдан, Инсарский район)]; *подклетъ* «2. Свадебная комната для жениха и невесты» [Хреснѣя приходит ф *потклетъ* и бирет невесту (Киржеманы, Большеигнатовский район)]; *ярка* «2. Невеста» [Где у вас *яркѣ*? Мы за ней пришли (Протасово, Лямбирский район)]; *отхожая* «1. Баня, куда приводили молодых после венчания» [Мѣладых зѣлигистрирѣвѣли. Гуляют биз них, а их-тѣ в *атхожую* видут. Этѣк тада былѣ (Челмодеевский Майдан, Инсарский район)]; *обабиться* «1. Выйти замуж» [*Абабилѣсѣ* анна быстрѣ, гаткоф симнаццѣть Нюрки былѣ, када анна замуш вышлѣ (Усыскино, Инсарский район)].

В лексике русских говоров на территории Мордовии отмечается многообразие семантических связей у существительных и глаголов, характеризующих свадебный обряд:

наличие однозначных и многозначных слов, синонимов, антонимов и омонимов. Подчеркнем, что синонимов представлено значительно больше, чем омонимов. Что же касается антонимов, то среди диалектных существительных, характеризующих свадебную обрядовую лексику, их, по-видимому, не наблюдается. Представленное исследование дает возможность познать лексико-фразеологический пласт языка, связанный со свадебным обрядовым комплексом, который является одним из значимых в лингвистическом, этнолингвистическом, лингвогеографическом и традиционно-культурном отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. – Саратов, 1962. – Вып. 1. – С. 101–121.
2. Ершова Н. И., Морозова Г. В. Явление синонимии в лексико-семантической группе русских диалектных эмотивов, характеризующих внешний облик женщины [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2016. – № 9. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/yavlenie-sinonimii-v-leksiko-semanticheskoy-gruppe-russkix-dialektnyx-emotivov-xarakterizuyushhix-vneshnij-oblik-zhenshhiny> (дата обращения 11.05.2019).
3. Ершова Н. И. Наименования растений как фрагмент диалектной картины мира // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. – СПб.: Наука, 2011. – С. 224–230.
4. Ершова Н. И. Структура семантического поля глаголов движения в русских говорах Мордовии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-3 (69). – С. 88–91.
5. Калинин А. В. Лексика русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 357 с.
6. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. – СПб.: Наука, 2013. – Ч. 1. – С. 1–672. – Ч. 2. – С. 673–1560.
7. Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии: монография / Э. Н. Акимова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова, Н. И. Ершова, Л. Н. Денисова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 156 с.

КОТОВА Е. О.

**О СПЕЦИФИКЕ ВИРТУАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА В
АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЛОНГРИДОВ)**

Аннотация. В статье приводится определение лонгрида как особого жанра виртуальной журналистики и представлен анализ лонгридов в рамках модели «язык – дискурс». Особое внимание уделяется когезии и когерентности, отсутствие которых представляет лингвоэкологическую угрозу для виртуального журналистского дискурса, а также рассматривается роль интердискурсивности с точки зрения ее лингвоэкологичности в дискурсивном пространстве лонгридов.

Ключевые слова: виртуальная журналистика, лонгрид, журналистский дискурс, лингвоэкология, когезия, когерентность, интердискурсивность, лингвоэкологическая угроза.

KOTOVA E. O.

**ON THE SPECIFICITY OF VIRTUAL JOURNALISTIC DISCOURSE
IN THE ASPECT OF LINGUOECOLOGY: A STUDY OF RUSSIAN LONGREADS**

Abstract. The article provides a definition of longread as a special genre of virtual journalism and presents an analysis of longreads within the framework of the “language – discourse” model. Special attention is paid to cohesion and coherence, which absence constitutes a linguoecological threat to virtual journalistic discourse. The role of interdiscourse in terms of its linguoecological friendliness in the discursive space of longreads is considered.

Keywords: virtual journalism, longread, journalistic discourse, linguoecology, cohesion, coherence, interdiscursiveness, linguoecological threat.

Лонгрид (англ. longread; long read – «долгое чтение») – это особый жанр виртуальной журналистики, характерными чертами которого являются большой объем текстового материала, разбитого на смысловые блоки и содержащего глубокий и детальный обзор проработанной темы, а также широкое использование мультимедийных материалов: фотографий, аудио- и видеозаписей, инфографики и др. Использование данного жанра способствует «привлечению внимания аудитории и выделению издания из информационного потока, формированию “своего лица”, появлению в издании того, что на журналистском сленге называется “нетленка”» [9].

В настоящее время лонгриды становятся объектом изучения исследователей специфики новых медиа и происходящих в них тенденций. Представляется интересным анализ подобных текстов виртуальной журналистики с точки зрения их лингвоэкологичности в рамках модели «язык – дискурс».

Представленная модель позволяет рассмотреть влияние языка на дискурс, который рассматривается нами как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами» [10, с. 136]. Данный подход помогает:

- определить языковые нарушения того или иного институционального дискурса;
- выявить отсутствие структурного единства (когезии) и когерентных связей;
- выявить элементы интердискурсивности;
- охарактеризовать влияние дискурса на язык, особенности проникновения во все сферы и закрепления в языке единиц, характерных отдельному типу дискурса [11, с. 116].

Журналистский дискурс выступает в роли компонента масс-медийного дискурса, реализуемого посредством интернет-дискурса, дискурса радио и телевидения. В его основе лежит социально значимая информация, отражающая определенное общественное событие или явление. Для читательской аудитории данный вид дискурса воспринимается как социально значимый, репрезентирующий общее мнение определенной социальной группы, а потому содержащий распространенные групповые оценки и являющий собой одну из форм социального познания. Модели знания, базирующиеся на личном опыте и знаниях журналиста, могут быть оторваны от контекста и превратиться в социально значимые сценарии стереотипного знания [2].

Анализируя тексты лонгридов с точки зрения лингвоэкологичности [1] в рамках модели «язык – дискурс» прежде всего необходимо обратить внимание на проблему целостности текста, так как неверный выбор языковых средств обуславливает нарушение целостности, связности и, как следствие, лингвоэкологичности текста. Сама структура лонгрида обуславливает разделение текста на блоки. Читатель самостоятельно определяет порядок и объем получаемой информации, что усложняет формирование структурного единства пространства лонгрида.

По мнению Д. Брчаковой, связным можно считать дискурс, который «содержит в себе информацию, заложенную в предшествующих компонентах текста» [4, с. 250]. Связность устанавливается уже на начальной стадии производства дискурса, когда в ментальной сфере производителя речи происходит «установление релевантных связей между структурами знаний» [12, с. 43]. Некоторые из исследователей дискурса считают его основными категориями структурную (когезию) и содержательную (когеренцию) связность. При этом, однако, они подчеркивают условность такого деления [13, с. 81].

Когезия текстов лонгридов может реализоваться как линейно, так и посредством гиперссылок (рис. 1) и таймлиний (рис. 2), позволяющих легко осуществлять навигацию, изменяя линейность текстов согласно целям и желаниям читателя. Единство стиля

оформления разных разделов лонгрида и переходов между ними способствуют формированию единого дискурса.

Рис. 1. Лонгрид «Дни затмения» [15].

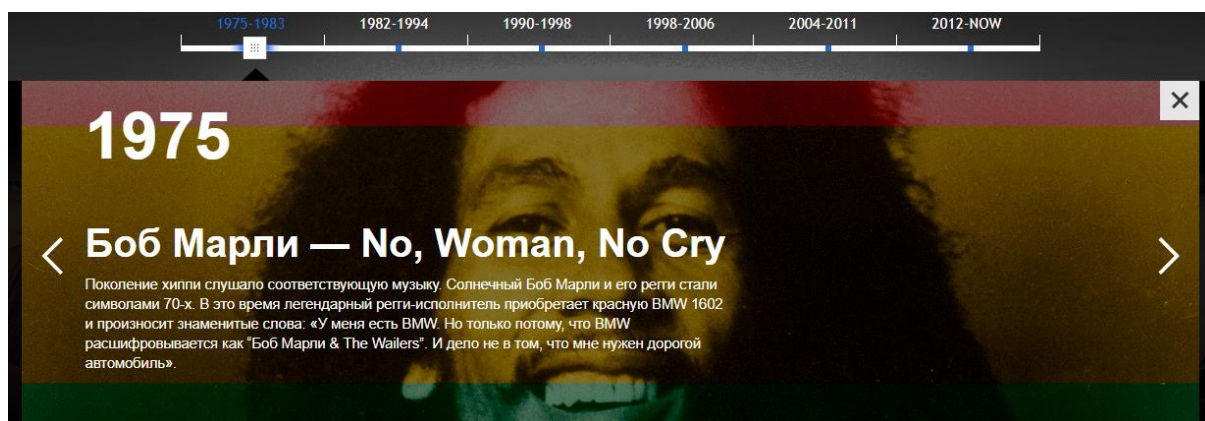

Рис. 2. Лонгрид «40 лет триумфальной истории BMW 3 серии» [16].

Когерентные связи могут осуществляться как на графическом, так и на глубинном уровне. Приведем пример двух лонгридов, построенных на таких связях.

В лонгриде-портрете «Из журналиста в дизайнеры» представлена биография русского дизайнера из Дубая Кати Ковтунович [6]. Она написана от первого лица живым разговорным языком, с активным использованием профессионального сленга и англицизмов. Последовательно разворачивая историю своей карьеры на протяжении всего лонгрида, дизайнер предстает перед читателями незаурядной творческой личностью, вызывающей уважение и интерес. Связность текста обуславливает общие для всех частей тема и стиль повествования, логическая последовательность и непротиворечивость изложения.

В то же время лонгрид «История одной рубашки» представляет собой кейс биографий нескольких людей: лауреата Пулитцеровской премии в области поэзии Трейси К. Смит, этнобиолога Марка Плоткина, основателя благотворительной организации Дженнифер Степл-Кларк, основателя диджитал-агентства Джорджа Вайнера, художника-абстракциониста Натвара Бавсара, объединенных любовью к белым рубашкам компании GANT [7]. Эти истории связаны как тематически (все они представляют собой истории успеха), так и графически: в оформлении использована общая цветовая гамма, каждая история сопровождается черно-белой фотографией героя в белой рубашке.

Отсутствие или неявная выраженность когезии или когерентности в лонгриде является лингвоэкологической угрозой, так как данные факторы затрудняют формирование единого логического восприятия текста, а при противоречивости информации читатель утрачивает доверие к данному медиа.

Другой угрозой лингвоэкологичности лонгрида в рамках модели «язык – дискурс» может выступать интердискурсивность, под которой в широком смысле слова могут быть обозначены «внешние по отношению к дискурсивной практике невербальные процессы, выступающие в качестве социокультурного и языкового контекста дискурсивных актов, которые обуславливают семантико-гештальтные характеристики». В узком смысле этот термин отражает «дискурсивно-лингвистические феномены, выступающие по отношению к выделенной дискурсивной целостности (последовательности) в качестве внешнего». Иначе говоря, интердискурсивность возникает при совместной реализации отдельных дискурсов в одном коммуникативном событии [14].

Интердискурсивное взаимодействие может проявляться посредством вербального воплощения (использование лексических средств, изначально не свойственных тому дискурсу, в состав которого они включены), посредством применения общенаучных правил, принципов, методов, тем, мотивов, сюжетов, моделей и положений, релевантных для многих областей знания. Актуализаторами интердискурсивности выступают разного рода прецедентные феномены, факты из практической жизнедеятельности, термины, символы, обозначения социокультурных, исторических, политических и т.д. реалий; имена известных людей, названия организаций, цитаты, аллюзии, реминисценции и т.д. [3; 5].

В данной работе под интердискурсивностью понимается введение в пространство одного дискурсивного акта компонентов другого или нескольких других дискурсов, отличающихся от основного. Господство того или иного институционального дискурса оказывает очевидное влияние на язык. К примеру, под влиянием возрастающей роли виртуального дискурса в язык, используемый в журналистском дискурсе, проникает большой пласт компьютерной лексики, в том числе терминологии. Следует отметить, что во

многих лонгридах присутствует большое количество компьютерной терминологии, что, с одной стороны, объясняется их виртуальной средой размещения, а с другой – свидетельствует о явном проникновении компьютерного и виртуального дискурсов во все сферы жизни общества.

Помимо этого, виртуальная среда ввиду своих особенностей допускает снижение регистров общения, что приводит к смещению регистров общения в коммуникативных актах вне виртуальной среды («Сначала эмиратцы смеялись надо мной и писали комментарии вроде: "Ахаха, то есть теперь носить шатер – это модно?!"» [6]; «Клиент принял решение протестировать площадку, отправляет ее к нам, мы выясняем – ок / не ок» [8]).

Можно сделать вывод о том, что любой институциональный дискурс, в том числе и журналистский, реализуется через набор присущих ему жанров, предполагающих коммуникативные стратегии и тактики воздействия, осуществляемые посредством выбора определенных языковых средств. Лингвотоксичным при исследовании дискурсивного пространства лонгридов в рамках модели «язык – дискурс» является отсутствие целостности текста, реализуемой через когезию и когерентные связи. Единство всей предоставляемой информации, логичность, последовательность и целостность излагаемого материала, когезия и когерентные связи, отсутствие логических ошибок значительно облегчают восприятие и интерпретацию текста, тем самым повышая уровень доверия к данному изданию. Интердискурсивные элементы также могут представлять собой лингвоэкологическую угрозу для дискурсивного пространства лонгридов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Э. Н. Лингвоэкологическая интерпретация активных процессов в современном русском языке // Вестник Марийского государственного университета. – 2016. – № 3 (23). – С. 40–44.
2. Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: Монография. – Ростов н/Д, Южное отделение Российской академии образования: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та, 2003. – 272 с.
3. Бочарникова Е. А. Основные когнитивные процессы при интердискурсивном взаимодействии (на материале научной экономической литературы) // Вестник Московского гос. ун-та. – 2012. – № 5 (638). – С. 75–82.
4. Брчакова Д. О связности в устных коммуникатах // Синтаксис текста / отв. ред.: д-р филол. наук Г.А. Золотова; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1979. – С. 248–261.
5. Данилевская Н. В. Научный текст в аспекте интердискурсивного подхода // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 3. – С. 18–22.

6. Из журналиста в дизайнеры [Электронный ресурс] // TellaStory. – Режим доступа: https://tellastory.ru/fashion_designer_in_dubai (дата обращения 18.03.2019).
7. История одной рубашки [Электронный ресурс] // Петербургский городской сайт www.sobaka.ru, 2015. – Режим доступа: <http://www.sobaka.ru/fashion/heroes/40051> (дата обращения 18.03.2019).
8. Как мы выросли из большого агентства в маленькое [Электронный ресурс] // VC.RU. – Режим доступа: <https://vc.ru/29063-kak-my-vyrosli-iz-bolshogo-agentstva-v-malenkoe> (дата обращения 18.03.2019).
9. Колесниченко А. В Длинные тексты (лонгриды) в современной российской прессе [Электронный ресурс]. – Медиаскоп, 2015. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1691> (дата обращения 18.03.2019).
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
11. Потеряхина И. Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2015. – 185 с.
12. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 390 с.
13. Тураева З. Л. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.
14. Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. – М.: Гуманитарный центр, 2004. – 250 с.
15. Лонгрид «Дни затмения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://1991.lenta.ru/> (дата обращения 18.03.2019).
16. Лонгрид «40 лет триумфальной истории BMW 3 серии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://3series.rbc.ru/> (дата обращения 18.03.2019).

ЕРШОВА Н. И., ЛИЯСКИНА Д. И.

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОТРАЖАЮЩИХ ВНЕШНИЙ ВИД ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация. В статье охарактеризованы парадигматические связи прилагательных, отражающих внешний вид человека, в русских говорах Мордовии. Описаны синонимические, антонимические, омонимические, полисемические отношения в рамках рассматриваемой лексико-семантической группы. Выявлена общая специфика данных парадигматических связей прилагательных со значением внешнего облика человека на диалектном материале в сопоставлении с литературным языком.

Ключевые слова: диалектная лексика, имя прилагательное, лексико-семантическая группа, синонимия, антонимия, омонимия, полисемия, литературный язык.

ERSHOVA N. I., LIYASKINA D. I.

**LEXICO-SEMANTIC TIES OF RUSSIAN DIALECT ADJECTIVES
DESCRIBING PHYSICAL APPEARANCE**

Abstract. The article studies the paradigmatic connections of adjectives that describe physical appearance of a person in the Russian dialects of Mordovia. The synonymic, antonymic, homonymous, polysemic relations within the framework of the lexico-semantic group are described. The general specificity of the paradigmatic connections of the dialect adjectives in comparison with the literary language is revealed.

Keywords: dialect vocabulary, adjective, lexico-semantic group, synonymy, antonymy, homonymy, polysemy, literary language.

В рассматриваемой группе качественных прилагательных, характеризующих лиц по внешнему облику, отмечается наличие однозначных и многозначных слов, синонимов, омонимов и антонимов. Следовательно, в рамках обозначенной группы наблюдается разнообразие парадигматических отношений, связывающих языковые единицы, функционирующие в русских говорах Мордовии.

Синонимия

Богатство языка – это, в первую очередь, богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами. Диалекты представляют такую возможность в силу богатства словарного состава, грамматических и фонетических средств [8, с. 90].

Проблема синонимии в говорах является одной из мало разработанных и дискуссионных, поэтому единого определения диалектного синонима пока не существует.

Это объясняется рядом причин: многие говоры недостаточно изучены, отсутствуют полные словари всех русских говоров и т.д. Мы, вслед за Л. И. Баранниковой, будем считать диалектными синонимами «слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах» [1, с. 102].

При установлении типологии семантических отношений между компонентами синонимических рядов в специальной литературе прочно укрепились традиции выделять несколько разновидностей синонимов: 1) абсолютные (тождественные по значению); 2) семантические (различающиеся оттенками значения); 3) стилистические (различаются стилистической окраской); 4) семантико-стилистические (различаются оттенками значения и стилистической окраской).

С учетом наличия / отсутствия различий в семантике можно выделить две группы синонимов, функционирующих в русских говорах Мордовии [6].

Абсолютные синонимы (дублиеты). Они не имеют ни семантических, ни стилистических различий. Среди прилагательных с тождественным значением, характеризующих внешний облик человека, выделяются как небольшие и простые двучленные объединения синонимов, так и многочленные синонимические ряды.

Синонимический ряд в говорах, как и в литературном языке, образуют группы слов, связанные синонимическими отношениями. В него мы включаем слова с тождественным или близким значением, передающие сущность одного и того же понятия, закрепленные в говоре и представляющие неотъемлемую часть той или иной диалектной лексической системы (см. об этом на диалектном материале другой лексико-семантической группы в [2, с. 288–300]).

1) двучленный синонимический ряд: *немудровый, немудрящий* «непривлекательный, невзрачный»;

2) трехчленный синонимический ряд: *неприглядчивый, несправский, несуетный* «имеющий непривлекательную внешность»;

3) четырехчленный синонимический ряд: *маненький* во 2 значении, *мухрастый, мухрястый, мухрявый* «малорослый»;

4) пятичленный: *гладкий, лопушастый, лопушистый, налитой, сбитый* «полный, упитанный»;

5) трехчленный со значением «крепкий, здоровый»: *ражий, смощной, солущой* во 2 значении «крепкий, здоровый»;

6) пятичленный со значением «тощий, худой»: *несправный* во 2 значении, *жиденький, нужненький, ¹пощатый, лядащий, обтесанный, плохой, плохущий, праховенький, сборенный, слепленный, стялый* в 1 значении, *стяленький, сухоялый, сухлядый, сухощепый*;

7) семичленный: *обрядный, разуряженный* в 1 значении, *распыженный, собранный, собратый, срядный* в 1 значении, *сряженный* «нарядно, красивый одетый»;

8) двухчленный: *аслямый, околomный* «некрасивый»;

9) четырехчленный синонимический ряд: *озаренный, вышний, охальный, поставной* «высокого роста»;

10) двухчленный синонимический ряд: *сувилистый, сугоблый* «сутулый»;

11) шестичленный синонимический ряд: *баский, зглядный, красовитый, гожий, рахманный, удобный* «красивый»;

12) трехчленный синонимический ряд: *култыногий, холукатый, храменький* «хромой»;

13) двухчленный синонимический ряд: *курноватый, сунозый* «курносый»;

14) трехчленный синонимический ряд: *шершавый¹, шершастый, шершастенький* «непричесанный, лохматый»;

15) трехчленный синонимический ряд: *шитрявый, сбористый, щедрявый* «кудрявый».

Значительное количество абсолютных синонимов, представленных прилагательными со значением внешнего облика человека в русских говорах Мордовии, является одной из отличительных черт диалектной синонимии [3].

Семантические синонимы. Они различаются оттенками значения. К семантическим синонимам можно отнести диалектные прилагательные, одно из которых обозначает: а) повышенную степень проявления признака: *стяблый* «худой, тощий», *безмясый* «очень худой, тощий» и *ледаций* «худой, сухощавый»; б) состояние не только волос, но и одежды: *растрепной* «небрежно и грязно одетый, косматый» и *сосулистый* «косматый».

Как видим, диалектные прилагательные *безмясый, стяблый* и *ледаций* объединяются общим семантическим компонентом 'худой'. Помимо него, смысловая структура слов *безмясый* и *стяблый* содержит сему 'тощий', а *ледаций* – сему 'сухощавый'. При этом слово *безмясый* дополняется еще одной семой 'очень'.

В смысловую структуру диалектного прилагательного *растрепной* входят 2 семы: 'небрежно и грязно одетый' и 'косматый'. Лексическое значение синонимичного прилагательного *сосулистый* составляет только одно из них: 'косматый'.

Отметим, что семантико-стилистических и стилистических синонимов среди диалектных прилагательных рассматриваемой группы в русских говорах Мордовии, по-видимому, не наблюдается.

Значительное количество семантических синонимов, представленных прилагательными со значением внешнего облика человека, в русских говорах Мордовии отражает различное видение диалектоносителями окружающего мира. Одно и то же

семантическое пространство в диалекте может члениться по-разному, что проявляется в разном количестве слов – названий элементов этого пространства и в различии их взаимосвязей [4, с. 230]. Разное видение одного и того же предмета в говорах, как правило, связано с тем, что в этом предмете выделяются разные признаки, мотивирующие его название, ср.: *растрепной* и *сосулистый* «лохматый».

Антонимия

Несмотря на несколько различное понимание явления антонимии, ее исследователи сходятся в одном: антонимия и антонимы есть выражение противоположности в языке. Явление антонимии свойственно и русским говорам Мордовии. Под диалектными антонимами мы понимаем слова одной части речи, противоположные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах.

По семантике диалектные антонимы, представленные эмотивами со значением лиц мужского пола, подразделяются на два класса в зависимости от выражаемого ими типа противоположности (см. о них на материале другой лексико-семантической группы в [5, с. 90]).

Первый класс составляют антонимы, выражающие качественную противоположность. Они обнаруживают градуальную (ступенчатую) оппозицию, которая характеризует постепенное изменение предмета.

Ко второму классу относятся антонимы, выражающие дополнительность (комплементарность). Шкала противопоставлений представлена здесь всего двумя противоположными членами, дополняющими друг друга до целого; отрицание одного из таких антонимов дает значение другого.

Специфика рассматриваемой группы заключается в том, что в ней представлены только антонимы первого класса, обнаруживающие градуальную (ступенчатую) оппозицию, например: *коряжистый* «малорослый и плотный по сложению, приземистый» – *прикремистый* «невысокий, коренастый» – *озаренный, вышний, охальный* «высокого роста» – *долгий* «очень высокий».

В русских говорах Мордовии можно выявить также следующие антонимические оппозиции:

- 1) *околомный, аслямый* «некрасивый, непривлекательный» – *баский* «красивый, симпатичный»;
- 2) *маненький* во 2 знач., *мухрастый, мухрястый, мухрявый* «малорослый» – *озаренный* во 2 знач., *охальный* в 1 знач. и *поставной* «высокого роста»;

3) *налитой, справный, сляный* «полный, упитанный» – *жиденький, плохой, лядащий* «тощий, худой»;

4) *белесовый, брысой* «белобрысый, со светлыми волосами, бровями» – *черменный* «черноволосый, чернобровый»;

5) *манерный, обрядный, разуряженный, распыженный, собранный, срядный* в 1 знач., *собротый* в 1 знач., *срядный* в 1 знач., *сряженный, урядный* в 1 знач., *уряженный, чопорный, щекотливый* «красиво, нарядно, хорошо одетый» – *обтерханый, трунястый, шебластый* в 3 знач., *шеболастый, шебонястый* «оборванный, плохо одетый».

Таким образом, явление антонимии в группе прилагательных, характеризующих внешность человека, также представлено довольно широко. Антонимов, выражающих дополнительную (коплементарность), парадигмы которых состоят только из двух членов, среди прилагательных рассматриваемой группы не наблюдается.

Омонимия

«Омонимия как лексическая категория – это семантическое отношение внутренне несвязанных (немотивированных) значений, выражаемых формально сходными знаками (лексемами) и различающихся в тексте благодаря разным контекстуальным окружениям» [7, с. 234]. Диалектные же омонимы можно определить как слова одной части речи, одинаковые по звучанию и написанию, но разные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах.

Диалектные омонимы, выраженные прилагательными, характеризующими внешность человека, встречаются редко. В анализируемой группе выявлено 4 пары полных омонимов: ¹*пощатый* «тощий, плоский: о человеческом теле» и ²*пощатый* «полосатый»; ¹*суровый* «имеющий рябины, рябой» и ²*суровый* «не скромный, постный»; ¹*шеболястый* «изорванный, с дырками: об одежде» и ²*шеболястый* «изуродованный, покрытый шишками»; ¹*шершавый* «непричесанный, лохматый» и ²*шершавый* «непослушный, непутевый».

Как видим, представленные омонимы совпадают во все системе их форм. Частичных лексических омонимов, имеющих только часть общих форм, в анализируемой группе, по-видимому, не наблюдается.

Полисемия

Русским говорам Мордовии свойственно и явление полисемии, или многозначности. Сказанное справедливо и по отношению к прилагательным, характеризующим внешний облик человека, которые могут быть как однозначными, так и многозначными.

Полисемия в диалектах, как и в литературном языке, тесно связана с синонимией. Дело в том, что многозначные диалектные прилагательные в разных своих значениях могут входить в разные синонимические ряды. Так, слово *стяблый* «1. Очень худой, тощий; 2. Высокого роста, долговязый» в первом значении является членом следующего синонимического ряда: *дрянный, дрянский* «очень худой» – *сухолядый, сохуций, сухощепый, плохуций, обтесанный* «худой, тощий». Во втором значении данное прилагательное является синонимом слов *поставный* «высокий, стройный»; *долгий, озаренный, вышний, охальный* «высокого роста». Как видим, оба значения слова *стяблый* принадлежат лексико-семантической группе прилагательных, характеризующих внешний облик человека.

Аналогично обстоит дело и со словами *черменный* «1. Чернобровый. 2. Черноволосый и черноглазый» и *несправный* «1. Не такой, как должны быть, с отклонениями от нормы (о частях человеческого тела). 2. Худой, тощий», оба значения которых также относятся к рассматриваемой группе, хотя и не вступают в синонимические отношения с другими словами.

Но значительно чаще у многозначных прилагательных, характеризующих внешний облик человека, только одно значение принадлежит к анализируемой группе, другие значения лежат за ее пределами. Это касается прилагательных, имеющих два значения, типа *невшинный*: 1. Слепой, незрячий и 2. Неказистый, невзрачный; *несправской*: 1. Не удовлетворяющий каким-либо требованиям и 2. Худой, тощий; *куратный* – 1. Стройный, хорошего телосложения и 2. Ловко, по фигуре сшитый; *маненький* – 1. Небольшой по величине, размерам и 2. Маленького роста; *озаренный* – 1. Очень большой по величине, размерам и 2. Высокого роста и крепкого сложения; *солуцой*: 1. Прожорливый, ненасытный и 2. Крепкий, здоровый; *стялый*: 1. Тощий, худой и 2. Медлительный, вялый; *удобный* – 1. Приносящий пользу и 2. Красивый, миловидный; *ужастенный* – 1. Громадный и 2. Очень полный, толстый и некоторые другие.

У некоторых прилагательных, характеризующих внешний облик человека, первое значение характеризует внешний облик человека, а второе и третье выходят за пределы этой группы: *баский* – 1. Имеющий красивую внешность (о человеке), 2. Яркий, нарядный (о предметах), 3. Породистый (о животных); *рахманный* – 1. Красивый, миловидный, 2. Глуповатый, 3. Медлительный; *улогий* – 1. Увечный, искалеченный, 2. Калека. 3. Плохой, убогий (о доме); *умильный* – 1. Красивый, привлекательный, 2. Довольный. 3. Удобный.

Прилагательные, характеризующие внешний облик человека, могут иметь значительно больше значений (4-6), при этом только одно из которых находится в пределах изучаемой группы. Например, слово *благой* имеет 6 значений, но только четвертое значение «некрасивый, уродливый» характеризует внешность человека; остальные не относятся к

рассматриваемой семантической области: 1. Обладающий положительными качествами, хороший. 2. Плохой, низкого качества. 3. Неудобный. 5. Имеющий отрицательные моральные качества. 6. Крикливый, беспокойный (о детях).

Аналогично дело обстоит со словом *гожий*, имеющим четыре значения, из которых только третье «красивый, миловидный» относится к рассматриваемой группе, остальные же: 1. Обладающий положительными качествами (о предметах). 2. Обладающий положительными моральными качествами (о человеке). 4. Благоприятный (о погоде) – выходят за ее пределы.

Слово *коренной* функционирует в русских говорах Мордовии в шести значениях, однако в анализируемую группу входит лишь третье «сильный, крепкого сложения», другие относятся к иной семантической области: 1. Находящийся в кровном родстве. 2. Связанный личным общением, дружбой. 4. Настоящий, подлинный. 5. Главный, основной. 6. Очень хороший, превосходный.

Как видим, у всех вышеперечисленных многозначных прилагательных только одно значение относится к характеристике внешности человека.

Наряду с многозначными прилагательными, характеризующими внешний облик человека, в русских говорах Мордовии функционируют и однозначные. Приведем несколько примеров подобных диалектных наименований.

Вышний. Высокого роста. Дефка-тъ у них очинь *вышния* (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район).

Коряжистый. Малорослый и плотный по сложению, приземистый. Какой сосет-тъ *каряжыстый* (Грибоедово, Кочкуровский район).

Сбористый. Кудрявый. У нашъй Галины уш больнь *збористый* сын был (Белотроицкий, Лямбирский район).

Подчеркнем, что однозначных диалектных прилагательных рассматриваемой группы в русских говорах Мордовии значительно больше, чем многозначных.

Таким образом, рассматриваемая группа диалектных прилагательных, характеризующих лиц по внешнему облику в русских говорах Мордовии, представляет собой сложный комплекс, в котором проявляются разного рода системные отношения, отражается все многообразие семантических связей слов. Причем наиболее широко представлено явление синонимии, имеющее отличия от данного явления в литературном языке. Диалектные омонимы, выраженные прилагательными, характеризующими внешность человека, встречаются редко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. – Саратов, 1962. – Вып. 1. – С. 101–121.
2. Ершова Н. И. Синонимические ряды названий домашних животных в русских говорах Мордовии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 288–301.
3. Ершова Н. И., Морозова Г. В. Явление синонимии в лексико-семантической группе русских диалектных эмотивов, характеризующих внешний облик женщины [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2016. – № 9. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/yavlenie-sinonimii-v-leksiko-semanticheskoy-gruppe-russkix-dialektnyx-emotivov-xarakterizuyushhix-vneshnij-oblik-zhenshhiny> (дата доступа 11.05.2019).
4. Ершова Н. И. Наименования растений как фрагмент диалектной картины мира // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. – СПб.: Наука, 2011. – С. 224–230.
5. Ершова Н. И. Структура семантического поля глаголов движения в русских говорах Мордовии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-3 (69). – С. 88–91.
6. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. – СПб.: Наука, 2013. – Ч. 1. – С. 1–672. – Ч. 2. – С. 673–1560.
7. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Академия, 2001. – Ч. 1. – 584 с.
8. Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии: монография / Э. Н. Акимова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова, Н. И. Ершова, Л. Н. Денисова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 156 с.

САМОЙЛЕНКО В. А.

ОБРАЗ СТОКГОЛЬМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Е. ЗАВЕРШНЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «STOCKHOLM»)

Аннотация. В статье рассматриваются пути и характер развития лирического цикла путешествия в поэзии. На примере поэтического текста Е. Завершневой «Stockholm» показано расширение содержательных и формальных признаков жанровой формы путешествия в современной русской литературе.

Ключевые слова: лирический цикл, образ путешественника, композиция, маршрут, художественный образ, сюжет.

SAMOYLENKO V. A.

IMAGE OF STOCKHOLM IN POETIC CONCEPTUALIZING:

A STUDY OF THE CYCLE OF POEMS "STOCKHOLM" BY E. ZAVERSHNEVA

Abstract. The article considers the ways and types of transformation the lyrical travel cycle in modern poetry. The study of the poetic text "Stockholm" by E. Zavershneva shows the expansion of content and formal features of the travel genre in the modern Russian literature.

Keywords: cycle of poems, image of the traveler, composition, route, artistic image, plot.

Современная поэзия является предметом многих дискуссий среди исследователей и критиков. Сложности в этих спорах вызывают изменение идеологических и нравственных взглядов, становление новых художественных парадигм, утверждение разного рода ритмических и языковых экспериментов. В целом, для поэтического процесса современности характерны: развитие в двух направлениях – «авангардной» и «традиционной»; орфографические, семантические и ритмические эксперименты; активная прозаизация поэзии; размывание жанровых форм; многостилевой характер поэзии.

Наиболее интересным в этом отношении является лирический цикл путешествий. Это жанровое образование, которое сформировалось благодаря синтезу таких форм как поэтический цикл и травелог. В современной поэзии лирический цикл путешествий, претерпевая различные изменения, продолжает существовать и в традиционной форме. Образцом классического текста данного жанрового образования можно назвать «Stockholm» Е. Завершневой.

Данный лирический цикл путешествий состоит из 8 стихотворений, каждое из которых является самостоятельным произведением и одновременно с этим – частью большого произведения – цикла.

Стержнем произведения является образ путешественника. Следует отметить, что эта категория представлена нетрадиционно, поскольку у героини есть безымянный попутчик.

Вместе они организуют систему персонажей, которая не утвердилась как жанровый признак цикла путешествий, но отсылает нас к одному из первых, классических текстов данной формы – к циклу А. Мицкевича «Крымские сонеты», в котором систему персонажей составляют Пилигрим и Мирза.

Сюжет в поэтическом тексте Е. Завершневой развивается благодаря маршруту. Путешествие начинается у гранитных скал-островов, которые называются шхерами. Здесь лирическая героиня со своим попутчиком с кормы рыбацкой лодки наблюдают, как «извилистый берег/ раскрывается повторяя себя» [4, с. 10], в бинокль рассматривают пристань с одинокими домами и запретными знаками швартовки. Далее они оказываются на набережной, которая пестрит именами яхт: «Таави Лена Эсмеральда» [4, с. 12]. Все здесь размеренно и дышит спокойствием:

цветы в горшках
герани и бегонии
по случаю хорошей погоды
выставлены на палубу

у бортика
бутылка из-под пива
на донышке дождевая вода

при входе много обуви
взрослой и детской
ящик с инструментами
канаты гвозди [4, с. 12]

С набережной путешественники отправляются в центральную часть города, которая расположена на острове Сёдермальм. В этом районе все им кажется вполне обыденным:

обыкновенные дома
смотреть нечего
одна высоченная кирха
новая из красного кирпича
в ней почти не служат
нет прихожан [4, с. 13]

Далее, прогулявшись по набережной, наполненной отелями на первой линии, музеями без посетителей и парусниками с убранными парусами, лирическая героиня со спутником оказываются в гостинице. Здесь, преисполненные эмоциями и впечатлениями, они размышляют над местным колоритом и над менталитетом стокгольмцев:

посмеялись конечно
над наивностью местных
которые всюду видят праздник
в бумажной короне настоящую
в куске стекла инсталляцию
и пьют из пластиковых стаканчиков
дорогое вино

хотя если вдуматься сказал ты
но они не вдумываются
они видят как есть
белое море синее солнце
которое никуда не исчезает
не заходит за горизонт
а только становится голубым
на закате [4, с. 15]

После отдыха в гостиничном номере герои отправляются дальше изучать «город детей/ выглядывающих/ из игрушечных домиков» [4, с. 16]. Они оказываются в районе Гамла стан, который станет финальной точкой их маршрута. Это исторический центр, место, где зародился Стокгольм. Лирическая героиня сравнивает его с затонувшим флагманским кораблем, который «поднимается из воды/ при полной оснастке» [4, с. 17].

В последнем стихотворении цикла звучит вывод лирической героини, ее общее субъективное впечатление. Столица Скандинавии не смогла влюбить в себя путешественницу, очаровать своей строгой северной красотой и размеренным течением жизни:

<...> на улицах ни крошки
скверы памятники шпили
прямое продолжение открыток

у города глаза без зрачков
исполиньские надбровные дуги
монолитное тело
найти себе что-то на память
невозможно выступов нет
не за что зацепиться

остается блеклая вода
гранитная пыль для нас
городских голубей
серые розовые зерна восходов
на твоих нескончаемых
набережных Стокгольм [4, с. 16]

Объединенные под общим заглавием все части цикла при последовательном прочтении складываются в единство, в котором читатель обнаруживает пройденный путешественниками путь и детализированный городской пейзаж Стокгольма.

Автор, следуя традициям данного жанрового образования, с другой стороны, привносит в него авангардные тенденции современной поэзии. Текст полностью лишен знаков препинания, написан верлибром с многочисленными анжамбеманами. Благодаря этому текст получил прозаизированную интонацию, а также передал минорное настроение лирической героини.

Кроме того, интерес представляет и заголовочный комплекс цикла. В каждом стихотворении функцию заглавия берет на себя первая строка, выделенная авторским курсивом. Таким решением автор демонстрирует самостоятельность каждой части цикла и в то же время создает эффект непрерывности повествования.

Следует отметить и использование в тексте оригинальных названий стокгольмских районов – Södermalm, GamlaStan. Отказ от их написания кириллицей подчеркивает позицию лирической героини, не очаровавшейся холодным ландшафтом шведской столицы. Такой прием также придает тексту минорный характер настроения.

Таким образом, текст «Stockholm» демонстрирует современный авторский подход к традиционной форме лирического цикла путешествия. Е. Завершнева экспериментирует не с его структурой, а с приемами передачи поэтических впечатлений от поездки. Тем самым поэт делает данное жанровое образование созвучным современным тенденциям отечественной поэзии. С одной стороны, в нем реализованы все характерные черты данной

жанровой разновидности: есть образ путешественника и маршрут, мотив дороги и общее заглавие, все стихотворения в цикле в отдельности являются самостоятельными произведениями, а при последовательном прочтении складываются в единство, в котором читатель обнаруживает детализированный городской пейзаж Стокгольма. Но, с другой стороны, автор привносит в традицию модные тенденции современной поэзии. Текст полностью лишен знаков препинания, написан верлибром с многочисленными анжамбеманами. Тем не менее, такое авторское решение оказалось достаточно удачным. Текст не только получил прозаизированную интонацию, но и передал минорное настроение произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гареева Л. Н. Вопросы теории цикла (лирического и прозаического) // «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: Вопросы поэтики. – Ижевск: УдГУ, 2004. – С. 19–82.
2. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.
3. Гудкова С. П., Шаронова Е. А., Дубровская С. А. Специфика художественного преломления блоковских традиций в книге стихов П. Громова «Вне» (2014) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-12. – С. 45–50.
4. Завершнева Е. Stockholm // Напросвет. – СПб.: Свое издательство, 2015. – С. 10–18.

ШАРОНОВА С. Г.
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КНИГИ СТИХОВ
Г. САПГИРА «СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ»

Аннотация. В статье рассматриваются проблемно-тематические особенности и жанровая специфика книги стихов Г. Сапгира «Сонеты на рубашках». В результате исследования делается вывод о том, что книга стихов является крупной жанровой формой, позволяющей представить мировидение поэта как систему, передать масштабность его взгляда на многие современные реалии.

Ключевые слова: книга стихов, жанр, сонет, Г. Сапгир, тема, новаторство.

SHARONOVA S. G.
GENRE ORIGINALITY OF THE BOOK OF POEMS
"SONNETS ON SHIRTS" BY G. SAPGIR

Abstract. The article deals with the problem-thematic features and genre specifics the book of poems "Sonnets on shirts" by G. Sapgir. As a result of the study, it is concluded that the book of poems is a major genre form that allows to present the poet's worldview as a system, to convey the scale of his view of many modern realities.

Keywords: book of poems, genre, sonnet, G. Sapgir, subject, innovation.

В конце XX – начале XXI вв. особую популярность в поэзии стали приобретать книги стихов, ориентированные на отдельный литературный жанр [2]. Поэты все чаще рассматривают забытые жанровые формы, трансформируют их, актуализируют согласно требованиям современности. Причем, благодаря такому подходу, поэту удастся отразить свое мироощущение, взгляд на мир, историю и современность. Лирический сюжет в таких изданиях строится на сложности тем, мотивов, аллюзий и реминисценций и т.д. Современные авторы (М. Степанова, Т. Кибиров, М. Амелин и др.) создают книги стихов, актуализируя жанры оды, послания, сонета и т.д. Тяготение к жанровой книге стихов наблюдается и в творчестве Г. Сапгира.

Г. Сапгир – советский, российский поэт и переводчик, многим известен как детский писатель и сценарист. Значение Г. Сапгира в современной поэзии велико. Он являлся не только мастером традиционного стихосложения, но и истинным новатором, создателем экспериментальных форм. В стихотворениях Г. Сапгира большую роль играют детали, ирония, эпатаж, лаконичность. В своих произведениях поэт поднимает темы смысла жизни, предназначения поэта и поэзии, вдохновения, связи с природой, несовершенства

современного мира. Талант писателя не мог быть не замечен, поэтому на исходе XX века Г. Сапгир становится лауреатом Пушкинской премии, получает признание на Тургеневском фестивале малой прозы. Его перу принадлежат книги, написанные для детей («Звездная карусель» (1964 г.); «Четыре конверта» (1976 г.) и др.), а также сборники стихов («Сонеты на рубашках» (1978 г.); «Любовь на помойке» (1994 г.) и т.д.).

Творчество Г. Сапгира, его индивидуальный, авторский стиль порой оказывается сложен и не понятен для современного читателя. Но критики, рассматривая личность поэта, его манеру, новаторство, отмечают талант писателя, его способность «пустоту преобразовывать в поэзию» [1]. В. Некрасов видел Г. Сапгира «геометрическим местом пересечения точек» таких понятий, как «авангардизм, модернизм, экспрессионизм, сюрреализм, информализм» [8].

Объектом нашего рассмотрения стала книга стихов Г. Сапгира «Сонеты на рубашках», построенная по жанровому принципу. Поэт акцентирует внимание на жанровой принадлежности своих текстов, помещая рассматриваемый им жанр в заглавие. Поэт прослеживает эволюцию сонета в новых исторических условиях [2]. Такая книга стихов позволяет автору через жанровые формы сонета, показать свой взгляд на мир. В его сонетах синтезируются традиция и авангардизм, реальность и ирреальность, прошлое и настоящее, отсылки к шекспировским трагедиям и обценная лексика. Поэт экспериментирует с жанром не только в плане содержания, но и с точки зрения формы. Его сонеты изобилуют «пустотами», отсутствием знаков препинания, нарушением рифмы, незавершенностью или, наоборот, отсутствием начала и т.д. – все это и многое другое способствует появлению новых смыслов, демонстрируя вектор развития современной поэзии.

«Сонеты на рубашках» – это не метафора, а настоящий вызов обществу, заключающийся в экстраординарном поступке Г. Сапгира на выставке левых художников в 1975 году, где писатель презентовал свое творчество на белых рубашках, исписанных сонетами. Книга стихов «Сонеты на рубашках» сложна по своей структуре, так как содержит в себе не только отдельно взятые сонеты, но и циклы сонетов. В них поэт поднимает темы любви, судьбы, вдохновения, народного признания, религии, смысла жизни и т.д.

Открывает сборник стихотворение «Тело», задающее тон всей книге. В нем автор поднимает тему быстротечности времени, одиночества, отсутствия смысла жизни. Автор акцентирует внимание на серости, отсутствии индивидуальности героя, покорно переносящего обыденность, ускользающее время: *«И время водопадом – сквозь меня/ Но стыну гипсом видимость храня»* [9]. Лирический герой изображен не традиционным способом, он – не человек, состоящий из плоти и крови, а бездушный клетчатый костюм

(«Чудовищный костюм – миллионы клеток/ Дворец из тканей радужных расцветок...») [9]. Данный прием прослеживается во многих сонетах Г. Сапгира, где действия человека, его чувства, поведение воплощается не в нем самом, а в отдельном предмете, будь то рубашка («Она»), чемодан («Чемодан»), рукопись («Рукопись») и др.

Тема одиночества становится одной из самых важных и частотных в книге стихов, и каждый раз она неразрывно связана с вечными для поэзии темами любви, поэта и поэзии. В сонете «Дух» представлен образ поэт, ищущий утешения в пьянстве, он рисует вокруг него красочный мир, который, рушась, вызывает в нем страдания и мучительную рефлексию: *«...И самого себя хочу настичь я/ Стремясь из бесконечности к нулю/ Есть! Пойман!.. Нет! Еще ты дремлешь в стебле/ Но как ядинок на самом деле/ Ведь это я все я – жасмин и моль и солнца свет»* [9]. Одиночество не оставляет лирического героя даже в момент его влюбленности. Так, в стихотворении «Сонет Петрарки» поэт рисует безумную страсть героя, которая вызывает в нем не надежду в счастье, а «само-му-чи-тель-ство!», он утверждает: *«Любовь, как смерть, расправится с тобой»* [9]. Любви герой предпочитает тихое одиночество, ведь сильные чувства волнуют его, тревожат (*«Я в зной дрожу! Мне на морозе жарко!»* [9]), спокойствие ему дороже. Порой темы одиночества и любви раскрываются в творчестве Г. Сапгира не только драматически, но и сатирически. Например, в сонете «Любовь» лирический герой поет под окном возлюбленной песни, кричит «майдарлинг», общается с ней лишь через оконное стекло, любит ее носиком и «золотым зрачком», с нетерпением ждет встречи с любимой. Но отец возлюбленной оказывается «против», он прогоняет лирического героя со словами: *«Влюбленный в нашу кошку дурачок!»* [9]. Таким образом, история разлученных возлюбленных обыгрывается автором стихотворения, а влюбленный подвергается осмеянию.

Г. Сапгир также обращается к теме творчества, вдохновения, причем раскрывает эту тему по-своему. Как и у всех поэтов вдохновение у него имеет образ Музы, но в отличие от собратьев по перу Г. Сапгир иначе представляет себе этот образ. Он развенчивает ее стандартный внешний вид, заключающийся в неземной красоте, в сонете «Муза» она предстает так: *«...юной некрасивости козья мордашка/ Усмешка – быстрый язычок – еле уловимое/ Движенье ящерицы...»* [9]. Так Г. Сапгир придает новое звучание традиционному образу.

Особое место в книге стихов «Сонеты на рубашке» занимает религиозный вопрос. Причем особый интерес у поэта вызывает буддизм. В стихотворениях «Будда», «Спящий Будда» изображается образ всеми признанного божества, который рисуется с некоторым скепсисом и недоверием. Божеству нет дела до обычных людей, которые «шлепают где-то

внизу», даже в храме Будды лирический герой испытывает дискомфорт, он видит бесчувственные «желтые лица» монахов, ощущает холодность мраморных плит, даже в святом месте испытывает на себе взгляд «клыкастой маски демона». Подобным образом существование высших сил, веры, Бога оказывается под вопросом. В «Сонете о том, чего нет» поэт напрямую заявляет об отсутствии Бога, он рассуждает о голоде, холоде, одиночестве, бедности, пьянстве, распространяющихся повсеместно, и приходит к выводу, что никакого Бога не существует, ведь если бы он был, то страдания людей были прекращены. Поэтому в финале сонета он уничтожает последнюю надежду на что-то святое: *«И видит Бог! – хоть Бога тоже нет»* [9].

Обесценивание искренних человеческих чувств, потеря веры в бога – все это становится характерным для современного мира, больших городов и как следствие для современной поэзии, которая остро реагирует на проблемы современности. В связи с этим Г. Сапгир в своей книге стихов противопоставляет столицу – как символ пошлости, беззакония, антидуховности, природе, где еще сохраняется чистота, спокойствие. Поэт изображает большие города с отрицательной стороны, он иронизирует и над культурной столицей России – Санкт-Петербургом, сатирически изображает подмосковные области, окраины Москвы, провинции. Вероятно, поэт хотел показать разрушительное начало, которое несет в себе современный человек. Лирический герой несчастен везде, где бы он ни был, потому что с ним он сам. В сонете «Подмосковный пейзаж с куклой» описывает «полудохлая Клязьма», состоящая из бараков, «рассыпанных человечков», беспробудно пьянствующих, они бездельничают, не занимаются хозяйством, воспитанием детей. Подобную картину поэт называет «нечеловеческим пейзажем». Такую мрачную тональность Г. Сапгир выдерживает и в других своих стихотворениях «Сонет-статья», «Цветы с окраины», «Питер», «Путевые впечатления» и др. В данном контексте поэт поднимает и актуальный вопрос перенаселения, эмиграции: *«Милльоны пришлых, тьма провинциалов/ Кипят как дрожжи в капле молока»* [9].

Содержательный аспект сонетов Г. Сапгира интересен и по-своему уникален, но не менее уникальна форма его произведений. Поэт экспериментирует с формальной стороной сонетов, подразумевая под «пустотой», вакуумами, разрушениями, надстройками, обрывками и умолчанием особый смысл. Ярким примером являются «Фриз разрушенный» и «Фриз восстановленный». Интерес представляет «Фриз разрушенный», поскольку читатель может сам достроить каждую строку сонета, выступить своего рода соавтором поэта: *«личаем кудри складки/ и треснувшие крылья/ вдавлились мощной длани отпечатки/ поверх легли тончайшей пылью...»* [9], восстановленный же вариант звучит следующим образом:

«На сером различаем кудри складки/ Орлиный глаз и треснувшие крылья/ Вдавились мощной длани отпечатки/ Века поверх легли тончайшей пылью» [9]. Встречается в книге стихов и сонет без финала, названный «Неоконченный сонет». Он не соответствует сонетному канону, в нем лишь 12 строк, и в этом кроется особый смысл. Сюжет сонета прост и понятен, заключается в том, что лирический герой обрел смысл жизни, осознал ее ценность: *«Увидев близко розовую сойку/ Обрадовался я что я живу...»* [9]. Последняя строфа состоит лишь из одного слова «почувствовал», но этого оказывается достаточно для понимания стиха. В мире, где господствуют пессимизм, духовное бездорожье, найти себя и смысл своего существования – большое счастье, которое не требует лишних слов. Появляется и «Рванный сонет», отличающийся дроблением поэтических строк с помощью парцелляции, что также способствует возникновению новых смыслов и многообразию прочтения: *«Да все мы – Я! Но лишь на разных этажах/ Страдания. Сквозь боль и бред предчувствуем/ Себя. Иногда как будто расцветает. Тогда/ Истина прозревает себя. Вот-вот»* [9]. Обращают внимание и сами названия сонетов, в которых кроются метафоры, эпитеты. Многие названия сонетов Г. Сапгира ироничны и остроумны («Пьяный сонет», «Сонет во сне», «Сонет с валидолом», «Вечерний сонет» и др.)

Новаторство книги стихов Г. Сапгира «Сонеты на рубашках» заключается и в неоднородности структуры: наряду с отдельными стихотворениями в сборник включены и циклы сонетов: «Лингвистические сонеты», отличающиеся обращением поэта к разным языкам, рассмотрение одного слова на разных наречиях. Так, например, в сонете «Вода», где основная мысль заключается в том, что народов и языков много, но всех их объединяют одни желания, одни стремления, и даже слово «вода» в разных языках звучит аналогично «вато», «вотэ» и т.д., как знак единства народов. В цикле «Сонеты из дилижана» поэт демонстрирует свою эрудицию, его сонеты насыщены аллюзиями и реминисценциями. При обращении к образам и сюжетам мировой литературы автор придает обыденность событиям, отчасти поэтизируя их: *«Приехал Гамлет...Друг его – шофер!// Ромео – кутежи за кутежами.../ Отелло остролицый как топор/ И площадь как подмостки в Дилижане»* [9].

Важно отметить жанровый синтез сонетов Г. Сапгира, где сонет представлен не всегда в чистом виде. Наблюдается соединение жанровых признаков сонета с чертами послания, басни, баллады, элегии и т.д. Например, сонет «Любовь» поэт посвящает Надежде Рыковой, «Никитский сад» Славе Ленину, «Бесстрашная» памяти Нади Эльской и т.д. Синтез сонета и басни представлен в сонете «Смерть крота», где стихотворение соотносится с басенной традицией, походя своим финалом на крыловские басни: *«...И он проснулся. Тут-то и случилось!// Горячая как печь собачья пасть»* [9]. Поэт высмеивает глупость слепого

зверька, вылезшего наружу зимой. И как во всякой басне глупость и недальновидность оказываются наказуемы, так и в сонете Г. Сапгира крот, желающий «всласть» полакомиться разбухшими корешками, расплачивается жизнью. Следует отметить, что и элегическая тональность наблюдается во многих сонетах Г. Сапгира, так как в большинстве своем они мрачны и печальны («Мысли», «Мне 12 лет», «Сонет о том, чего нет» и др.). Балладные черты также обнаруживаются в сонетах Г. Сапгира. Атмосфера балладного стиха проявляется в мистике, присутствии тайны и страха. В «Вечернем сонете» лирический герой одинок и, вероятно, на этой почве в нем развивается раздвоение личностей, он сидит перед зеркалом и обнаруживает, что он в комнате не один: *«Я уцупнул себя – не удержался/ Но крикнул он – из черной немоты!/ А в зеркале напротив отражался/ Еще один двойник и демон – ты/ И с ужасом друг друга наблюдали/ Три стороны одной медали»* [9]. Подобная таинственность, наличие демонического и потустороннего, безусловно, характерны для баллады и для экспериментальных сонетов Г. Сапгира.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что жанровая книга стихов Г. Сапгира – это новаторское стихотворное образование, которое отличается продуманностью как формы, так и содержания, единством и логичностью поднимаемых тем. Поэт не только создает сонеты, но объединяет их в циклы, каждый из которых несет с собой определенную мысль, поднимает ту или иную тему, волнующую автора. Г. Сапгиру удается деформировать привычный лирический жанр сонета, вписав его в контекст современности. Оставляя за сонетом лишь традиционную форму из 14 строк, он экспериментирует, затрагивая все уровни языковой системы. Именно благодаря «пустотам», словотворчеству, иронии, скрытым смыслам в сонетах и пр. Г. Сапгир показывает свое отношение к действительности, и книга стихов, будучи крупной жанровой формой, позволяет ему это сделать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гецевич Г. Поэзия в промежутках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/poes-v-prom/view_print/ (дата обращения: 24.01.2019).
2. Гудкова С. П. Крупный жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980 – 2000-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Саранск, 2011. – 527 с.
3. Гудкова С. П. «Мир спасет красота...», или современная проза в поиске утраченных ценностей // Финно-угорский мир. – 2015. – № 1 (22). – С. 121–123.
4. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм): монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.

5. Гудкова С.П. Специфика художественного преломления блоковских традиций в книге стихов П. Громова «Вне» (2014) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11–12. – С. 45–50.
6. Гудкова С. П., Пивкина Е. В. Жанровая природа баллады в теоретическом осмыслении отечественного литературоведения // Гуманитарные науки и образование. – 2015. – №2 (22). – С. 104–108.
7. Дубровская С. А. Гоголевское «смеховое слово» в литературном сознании поэта-современника // Вестник университета Российской академии образования. – 2010. – № 1. – С. 24–28.
8. Некрасов В. Великий Генрих. Сапгир и о Сапгире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/russia/moscow/persons/sapgir-g> (дата обращения: 30.01.2019).
9. Сапгир Г. Сонеты на рубашках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/sapgir7a.html> (дата обращения: 05.12.2018).

ЯКОМАСКИНА А. О.

МОТИВ ТАЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. М. КАРАМЗИНА И Н. С. ГУМИЛЕВА

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ произведений Н. М. Карамзина («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена») и Н. С. Гумилева («Дочери Каина», «Гибели обреченные», «Скрипка Страдивариуса», «Черный Дик») с точки зрения выявления общего предромантического мотива – мотива тайны. Утверждается, что ученичество Гумилева 1905–1911 гг., представляемое в свете символистской традиции, на самом деле уже включало в себя ориентацию будущих акмеистов на использование образов и сюжетов мировой культуры, в том числе и обращение к отечественной предромантической традиции.

Ключевые слова: творчество Гумилева, творчество Карамзина, мотив тайны, поэтика, акмеизм, предромантизм.

YAKOMASKINA A. O.

MOTIVE OF SECRET IN LITERARY WORKS

OF N. M. KARAMZIN AND N. S. GUMILEV

Abstract. The article presents a comparative analysis of the literary works of N. M. Karamzin ("Island of Borngolm", "Sierra-Morena") and N. S. Gumilev ("Cain's Daughters", "Fateful Death", "Stradivarius's Violin", "Black Dick") in terms of identification of their common preromantic motive – the motive of secret. It is proved that Gumilev's literary apprenticeship (1905–1911), being in the mainstream of the Symbolist tradition, actually shows a tendency to use the global cultural images and plots, including the appeal to the Russian preromantic tradition, which are typical for the Russian Acmeist poets.

Keywords: Gumilev's literary works, Karamzin's literary works, motive of secret, poetics, Acmeism, preromanticism.

Сравнительно-сопоставительный аспект изучения творчества таких значительных писателей русской литературы, как Н. С. Карамзин и Н. С. Гумилев, – только намечается [1]. Его дальнейшее исследование позволит понять масштаб замысла основателя акмеизма по сохранению всего лучшего, что было создано до него мировой литературой, с целью воплощения его в своем творчестве, а также рассмотреть воплощение этого замысла. Произведения Н. С. Гумилева, «Дочери Каина», «Гибели обреченные», «Скрипка Страдивариуса», «Черный Дик», создавались в так называемый «ученический» период творчества писателя: 1905–1911 гг., то есть в период до провозглашения акмеизма, и в них очень много романтических и предромантических мотивов. Но если первые достаточно

изучены отечественным литературоведением, то вторые пока не обращали на себя внимание исследователей. Сопоставление этих произведений с повестями Н. М. Карамзина («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена») позволит остановиться именно на выявлении английской готической традиции, преломленной сквозь призму творчества русского писателя конца XVIII – начала XIX вв., ставшего родоначальником не только русского сентиментализма, но и предромантизма.

Как известно, предромантизм – комплекс явлений в английской литературе второй половины XVIII века, включающий кладбищенскую поэзию, готический роман и оссианизм. Предромантизм предпочитает таинственность и загадочность страстей чувствительности сентименталистов. Уход от современной цивилизации на лоно природы путем перемещения в чужие страны или далекое прошлое, в средневековье. Исключительные приключения героев разворачиваются на фоне развалин средневекового замка, диких утесов и т.п. Характерной чертой предромантизма является интерес к фольклору. Важная отличительная черта: в предромантических произведениях читатель не знает разгадки тайны заранее, что создает особую эмоциональную напряженность при чтении, приковывает интерес к каждому повороту событий. Но предромантики используют тайну не только для привлечения читательского внимания, но и для утверждения важной для них философской идеи: мир непознаваем, судьба человека непредсказуема, в нее всегда могут вмешаться некие внешние силы, добрые или злые, рациональные или – чаще – иррациональные.

Соответственно, мотив тайны реализуется в таинственности и загадочности страстей. «Остров Борнгольм» начинается тайной. Таинственна сцена встречи с гревзендским незнакомцем, поющим песню, полную неясных намеков, женщина в темнице. Между тем в произведении присутствует сюжетный эллипсис, заполнить который предоставлено воображению читателя. Предысторию героев он может восстановить лишь отчасти, сопоставляя отрывочные сведения и догадываясь об остальном. Такое построение рассказа зарождается в романе тайн и ужасов и ведет прямо к байронической поэме: «Сей унылый шум и вид необозримых вод начинали склонять меня к той дремоте, к тому сладостному бездействию души, в котором все идеи и все чувства останавливаются и цепенеют, подобно вдруг замерзающим ключевым струям, и которое есть самый разительнейший и самый пиитический образ смерти; но вдруг ветви потряслись над моею головою... Я взглянул и увидел — молодого человека, худого, бледного, томного, — более привидение, нежели человека» [4, с. 38].

Именно так начинается повествование Н. Карамзина и это же пограничное состояние мы находим у героев Н. Гумилева, например, в произведении «Скрипка Страдивариуса». В качестве жизненного материала автором берется жизнь Италии. В рассказе используется

вполне типичный образ дьявола, искушающего Паоло Белличини. Все происходящее на грани сна и яви. Мелодия, что сводит с ума Паоло, никогда не будет услышана читателями, но ее таинственность от этого только возрастает. Неожиданные повороты рассказа, которые держат читателя в напряжении и трагический конец все это, конечно, в духе предромантизма: «Лежа в постели, он еще долго ворочался, не будучи в силах заснуть. Словно грозящий багряный орел, носилась над ним мысль о нескончаемом соло. Наконец, милосердный сон закрыл его очи, смягчил острую боль в висках и с ласковой неудержимостью повлек по бесконечному коридору, который все расширялся и светлел, уходя куда-то далеко» [3, с. 220].

«Гибели обреченные» Н. С. Гумилева также пронизано тайной. Завораживает собой первобытный мир и первый человек Тремограст. Все происходящее является тайной не только для читателей, но и для самого человека: «Он не знал, кто дал ему это прекрасное сильное тело, кто забросил его в темную пещеру, из которой он вышел к пределам зеленоватого моря и лоснящихся брызгами черных утесов» [3, с. 240]. Таинственны и загадочны и страхи Тремограста («Одного только боялся он – луны» [с. 243]) и любовь к Лейле («Он содрогнулся от внезапной ревности, вдруг нахлынувшего желания такого же счастья» [3, с.246]). Не меньшую загадку составляет для читателей и песня Элаи («Не мы, но, может быть, другие поймут таинственный закон» [3, с. 248]). Как видим, предромантические мотивы присутствуют в произведении Гумилева и на уровне системы персонажей, в которой каждый герой живет со своей тайной, и на уровне композиции, где нелинейное построение сюжета также содействует затуманиванию смысла произведения для читателя.

Демоническая тематика свойственна и новелле Н. С. Гумилева «Дочери Каина». Впрочем, многими исследователями она рассматривается в контексте библейского мотива. При этом, как уже было сказано, загадочность и таинственность страстей свойственна предромантизму и, иногда, эта загадочность заключена в недопустимости их. Так, важнейшей фактической находкой была обнаруженная Н. Д. Кочетковой в рукописном сборнике начала XIX в. неизвестная редакция песни «гревзендского незнакомца», в рифмованных стихах, где прямо раскрывался характер конфликта – «осуждаемая законами» любовь брата и сестры: *Любовница, сестрица, Супруга, милый друг!* [2].

Гумилев, как и Карамзин, затрагивает тему инцеста, показывая порочность Каина, возжелавшего свою дочь Лию: «Чистые девушки сторонились его, а порочные сами искали его объятий. Он же был равно чужд и тем, и другим, и больше ни разу в жизни не затрепетало его где-то далеко в горах Ливана, в таинственном гроте окаменевшее сердце. И умер он, не захотев причаститься, зная, что ни в каких мирах не найдет он забвенья семи печальных дев» [3, с. 211]. Но эта тема очень ярко подчеркивает модернистский ракурс

осуществляемых Гумилевым экспериментов: в этих стилистических исканиях писателю важна была не тема, а работа над формой – то, что станет впоследствии частью манифеста акмеизма.

Как и в выше приведенных произведениях, в рассказе «Черный Дик» Н. С. Гумилев обращается к страсти, туманящей разум. Странная девочка, одиноко живущая на острове, становится объектом желания Дика. Обстановка, в которой происходит событие, разворачивается в духе предромантизма: «Было ясно, что остров действительно служил любимым местом нечистой силы» [3, с. 202]. И, наконец, неожиданный финал, который ясно дает понять какое бывает наказание за порочную страсть: «...И тогда лишь, по обрывкам одежды, могли мы узнать в мертвом чудовище веселого товарища – Черного Дика» [3, с. 205]. Рок, судьба – все это неперенные атрибуты предромантизма, передающие непрочность, зыбкость существования человека.

Сравнивая Н. М. Карамзина и Н. С. Гумилева в рамках предромантизма, можно обнаружить практически все черты данного направления. Оба автора в большинстве случаев уходят от современной цивилизации на лоно природы или же в далекое прошлое. Сохраняется и важная отличительная черта: разгадка тайны держится в секрете, и мы не знаем всех ответов заранее, что, несомненно, создает эмоциональную напряженность при чтении. И, наконец, реализуется во всей своей полноте философская идея непознаваемости мира и непредсказуемости человеческой судьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Т. И. Образ путешественника в русской прозе: "Письма русского путешественника" Н. М. Карамзина, "Фрегат "Паллада" И. А. Гончарова, "Африканский дневник" Н. С. Гумилева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С. 361–370.
2. Вацуро В. Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в лит. движении XVIII — начала XIX века. – Л.: Наука, 1969. – С. 190–209.
3. Гумилев Н. С. Сочинения в трех томах. Т.2. Драмы. Рассказы. – М.: Худож. лит., 1991. – 478 с.
4. Карамзин Н. М. Избранные произведения в прозе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/karamzin_proza.pdf. (дата обращения 15.05.2019).